

Маисия Торох

*“От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам...”*

Тіаісія Горах

*«От Вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам...»*

Поржок 2020

ББК 83.3

Г 70

Горох Таисия Владимировна

«От вас беру воспоминанье, а сердце оставляю вам ...». – Торжок: МБУК «Торжокская ЦБС».- 2020.
– 78 с.

Издание подготовлено коллективом Центральной межпоселенческой библиотеки Торжокского района в подарок к 85-летнему юбилею Таисии Владимировны Горох. В книге автор отображает моменты своей жизни, любовь к творчеству великого поэта – Александра Сергеевича Пушкина и его окружения.

Компьютерный набор и вёрстка – Светлана Евгеньевна Васильева

Корректор – Ольга Васильевна Лобанова

Ответственный за сбор материалов и дизайн – Мария Александровна Федоренко

Содержание

1. Мысли вслух.....	с. 5
2. Автобиография.....	с. 6 - 8
3. Воспоминания о работе в клубе имени Парижской коммуны..	с. 9 - 20
4. Моя пушкиниана.....	с. 21 - 38
5. «Драгоценное наследие».....	с. 39 - 55
6. Об архиве Покровской церкви.....	с. 56 - 58
7. «Когда я вижу образ твой».....	с. 59 - 68
8. «Осеннее настроение».....	с. 69 - 70
9. Воспоминания о краеоведах города Торжка.....	с. 71
10. О поездке в усадьбу Машук.....	с. 72
11. Из письма В.А. Мельниковой.....	с. 73 - 74
12. От издателя.....	с. 75 - 76
Приложение. Фотографии.....	с. 77 - 78

Мысли вслух ...

*Таисия Владимировна.
Фото В.Б. Лаврова*

30 октября – день моего рождения. Как хорошо сочетаются с этим фактом моей жизни слова Пушкина:

« ... Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад ... »

Это первые строки из его стихотворения «Осень», т.е., о его любимом времени года. Мне известно всё стихотворение до последней строки. Я берегу его в своей памяти долгие-долгие годы, потому что осень и моё любимое время года.

« Унылая пора, очей очарованье! ... »

Осень и её погодные условия никогда не оказывали на меня и мою душу угнетающее действие, а только такое:

« ... И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод ...
... Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят ... »

И вот теперь, в этот высокий и счастливый для меня год, исполнилось моё тайное желание – увидеть в любой форме (книги, сборника) статьи и воспоминания, которые я написала после недавнего 80-летнего юбилея.

Искренне благодарю моих друзей и единомышленников, которые изучили, отпечатали, отредактировали мои статьи и составили сборник «От вас беру воспоминанье, а сердце оставляю вам...», который вы держите в руках.

Вот их имена: Мария Александровна Федоренко, Светлана Евгеньевна Васильева – сотрудники Центральной библиотеки Торжокского района, Ольга Васильевна Лобанова – давний друг и коллега, корректор всех моих статей, Нина Аркадьевна Лопатина – автор и издатель печатных изданий, книг и статей о Торжке и Торжокском районе, экскурсовод.

Автобиография

*Таисия Владимировна
Горох.
Фот из домашнего
архива автора*

Я, Таисия Владимировна Горох (в девичестве Гладкова), родилась 30 октября 1935 года на Кубани, в маленьком хуторке Курганинского района Краснодарского края.

Мой отец, Владимир Тимофеевич Гладков, 1912 года рождения, погиб во время войны 1941-1945 годов.

Моя мать, Александра Васильевна Домашева, Овсянникова во втором браке, 1914 года

рождения.

В 1943 году, сразу же после освобождения Кубани от немецкой оккупации, я пошла в школу, вначале в сельскую, а потом училась в городе Армавире, в 19-й средней женской школе, которую успешно закончила в 1953 году.

*Мои дед и бабушка (справа)
Василий Родионович Домашев (1870-1956 гг. примерно)
Мария Михайловна Домашева (1880-1926 гг. примерно)
Фото из домашнего архива автора*

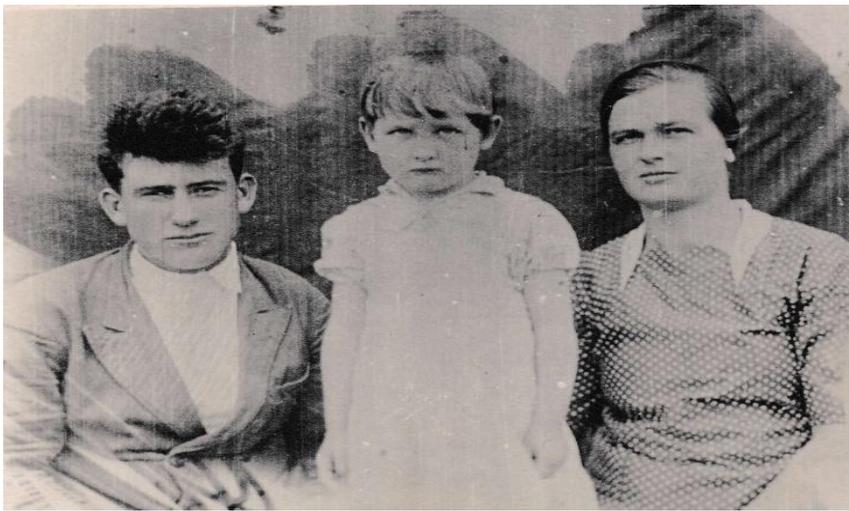

*Мой отец
Владимир Тимофеевич
Гладков
(1912-1943).
Фото из домашнего
архива автора*

*Моя мать
Александра Васильевна
Домашева
(1914-2003).
Фото из домашнего
архива автора*

В этом же году поступила в Краснодарский государственный педагогический институт на естественно-географический факультет

*Т.В. Горох с матерью Александрой Васильевной
Овсянниковой и отчимом Николаем Владимировичем
Овсянниковым.*

Фото из домашнего архива автора

(отделение географии) и закончив его в 1958 году, была направлена на работу в Алтайский край, Благовещенский район, в село Дмитриевка, где работала преподавателем биологии и географии только 1 год.

В 1959 году вышла замуж за военнотружашааго, Виктора Алексеича

Гороха (1935–1994), и вновья вернулась в Краснодар, к месту службы мужа. Родились дети: Алексей (1960) и Гелена (1965).

А далее пошла череда перемен мест службы мужа: Краснодар, Туркмения (Кизыл-Арват), Казахстан (Эмба), Польша (Жагань, Кшива), СССР (Торжок), Грузинская ССР (Цулукидзе).

Моя семья:

*муж – Виктор Алексеевич Горох (1935-1994),
сын – Алексей Горох, 1960 г.р.,
дочь – Гелена Горох, 1965 г.р.*

Фото из домашнего архива автора

В результате только 2,5 года я могла работать по своей профессии – учитель, в основном я трудилась в библиотеках воинских частей, в которых служил муж.

Приехав в Торжок в 1971 году, я устроилась на работу в клуб железнодорожников им. Парижской коммуны в качестве заведующей детским сектором.

Приехав в Торжок в 1971 году, я устроилась на работу в клуб железнодорожников им. Парижской коммуны в качестве заведующей детским сектором.

В 1976 году была приглашена в музей А. С. Пушкина в городе Торжке

на должность заведующей и работала в нём до 2010 года.

*Т.В. Горох со своей семьёй.
Фото из домашнего архива автора*

Торжка и Торжокского района, а также областные и правительственные грамоты.

Имею награды: медаль к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина (19 апреля 1970 г.) за работу в культурно-просветительских учреждениях Советской армии; орден «Знак Почёта» (22 августа 1986 г.) за пропаганду научного наследия А.С. Пушкина; знак «Отличник народного просвещения» (20 мая 1992 г.) за активную работу с детьми города

*Мой внук – Кирилл Русаков
Его жена – Настя
Моя дочь – Гелена Русакова.
Фото из домашнего архива автора*

Фото С. Е. Васильевой

Фото С.Е. Васильевой

Фото С.Е. Васильевой

Воспоминания о работе в клубе имени Парижской коммуны

В Торжок мы приехали осенью 1971 года. Знакомство с ним началось с военного городка на Красноармейской улице, где нас временно поселили. Автобус, на котором мы ехали к Ильинской площади, шёл мимо здания клуба железнодорожников имени Парижской коммуны. Позже я узнала, что горожане этот клуб называли коротко «Парижка». И тягостное впечатление, которое произвёл на нас город своей неухоженностью и осенней слякотью, совершенно сгладилось, когда я прочла на мемориальной доске текст о том, что проездом через Торжок в этом доме останавливался А.С. Пушкин. Позже я узнала, что здесь была гостиница Пожарских.

С этим зданием связала свою судьбу и я. Узнав о том, что после капитального ремонта в клуб будет набран новый штат сотрудников, я написала заявление о приёме на работу в качестве заведующей детским сектором. Время моей работы в клубе с декабря 1971 года по 6 сентября 1976 было приятным в том отношении, что после ремонта здание и территория вокруг него выглядели достойно. Наружная отделка, декор, окраска стен, подбор занавесей, штор согласовывались с московским художником Юрием Леонидовичем Керцелли. Паркетные полы украшали библиотеку, актовый зал, кабинеты сотрудников, кинозал, везде была новая мебель. Мне также приятно было знать о том, что все службы станции Торжок, в том числе и работа клуба, подчинялись управлению Октябрьской железной дороги в Ленинграде. Я ездила на семинары работников культуры в Ленинград, где и завязались мои первые знакомства, в основе которых лежал интерес к личности Пушкина, к его наследию.

В первые дни моей работы в клубе в него завозилась мебель, распределялись комнаты, залы для всевозможной клубной деятельности. Нас всех привели в библиотеку клуба к юному библиотекарю Татьяне Ивановне Иошиной. Ей нужно было помочь расставить книги на новые стеллажи и заодно, по приказу из Ленинграда, отобрать литературу, которая считалась устаревшей. Мы отобрали массу изданий, вышедших в свет в конце XIX – начале XX веков. Среди них были произведения классиков русской литературы и литературные мемуары.

Я обратила внимание на книгу В.В. Вересаева «Пушкин в жизни», изданную, вероятно, к одному из юбилеев, к 1937 или 1949 годам. Это был

второй том двухтомника, изношенный, без первых страниц и выходных данных. Книга с первого мгновения увлекла меня. Я открывала для себя Пушкина как реального человека. Всё поражало меня. Удивляло, а иногда разочаровывало то, что касалось повседневной жизни поэта. Но преддвуэльная история, сама смерть Пушкина показали мне в полной мере всё его величие. Рассказы очевидцев, знакомых, друзей о последних днях и минутах его жизни потрясли меня до слёз. Я окончательно была взята в плен именем Пушкина и всем, что с ним связано.

*(слева направо) Татьяна Ивановна Иошина – зав. библиотекой,
Таусия Владимировна Горох – зав. детским сектором,
Тамара Петровна Тихомирова – киномеханик,
Михаил Петрович Иошин - муж зав. Библиотекой.
1973.г.*

Фото А.П. Рыбакова

Эту книгу я оставила себе. Это было возможно, потому что два воза устаревшей литературы были увезены на лошади в сторону железнодорожной бани. Книги лежали в телеге открыто. Очевидцы рассказывали, что когда их везли, прохожие могли брать то, что им казалось интересным.

В том далёком 1972 году я не расставалась с книгой Вересаева, в которой находила отдельные эпизоды из жизни Пушкина, рассказанные его современниками. Многое мне тогда казалось странным. Я не могла понять мотивы его поведения, его мысли. Теперь я могу объяснить это: я не знала, что Пушкин, принадлежавший к замкнутому дворянскому сословию, в котором сложились свои устои, обычаи, нравы, должен был жить и в свете, и дома по определённым законам и правилам.

Жизнь Пушкина меня сильно занимала, и я охотно рассказывала о ней сотрудникам клуба, которые вместе со мной готовили помещение к работе. Мои рассказы скрашивали утомительные занятия, когда мы что-то мыли, убрали, переносили, устанавливали, развешивали. Так продолжалось моё знакомство с Пушкиным и начиналось знакомство с людьми, с которыми мне было интересно жить и работать в течение пяти лет.

Я получила замечательную комнату на втором этаже – светлую, с высоким потолком. Она стала кабинетом заведующей детским сектором. Здесь я планировала свою работу, писала сценарии, беседовала с детьми, а для занятий с ними я использовала все возможности клуба: библиотеку, кинозал, актовый зал, а также фойе на втором этаже, украшенное колоннами и высокими окнами, с выходами на два балкона.

*Т.В. Горох в библиотеке клуба им. Парижской коммуны.
Награждение победителя викторины. 1973 г.
Фото А.П. Рыбакова*

Рядом с моей комнатой располагалась точно такая же комната, уютная, с окнами в сторону тенистого липового парка. В ней предполагалось открыть музыкальную пушкинскую гостиную. Над её оформлением трудились московские художники. Идея открытия такого салона принадлежала, видимо, Юрию Леонидовичу Керцелли, который часто бывал в нашем городе в связи с созданием музея путешествий А.С. Пушкина.

Клуб начал свою жизнедеятельность: открылась библиотека, стали демонстрироваться фильмы, начали работать кружки. Молодые музыканты города с помощью заведующей клубом Зинаиды Николаевны Макаровой создали вокально-инструментальный ансамбль, обслуживавший танцевальные вечера, которые проходили очень организованно. Еженедельно проводились заседания товарищеского суда, привлекавшие живой интерес жителей. Председателем был судья Мастаков. Клуб был популярен среди жителей, хотя уже был построен и работал Дом культуры.

Я видела, что комната рядом с моим кабинетом была не востребована, в ней в дни репетиций и танцевальных вечеров переодевались музыканты и находились их девушки. Я решила познакомиться с оформлением этой комнаты, в которую нас, сотрудников, никто не приглашал и не рассказывал о её предназначении. А должна была это сделать заведующая клубом Зинаида Николаевна Макарова.

*Дети микрорайона «Железнодорожник» во время поездки в г. Калинин (в цирк).
1972-1973 гг.*

Фото А.П. Рыбакова

Что же я увидела? Комната с двумя высокими окнами в сад была окрашена в синий цвет, спокойный, умиротворяющий. В простенке между окнами был установлен бюст Пушкина. Вдоль стен – щиты того же синего цвета. На них – портреты современников Пушкина, с которыми его соединял мир музыки, – композиторы, музыканты, певцы. Обращало на себя внимание размещение и искусство оформления портретов. Во всём: в изго-

товлении копий портретов, паспарту, монтировке их под стекло – отмечались тонкость, красота, изящество. На свободных стенах были развешены живописные работы: портрет А.С. Пушкина (копия с работы О.А. Кипренского) и картина «Пушкин и Мицкевич на набережной Невы», написанная художником Шитарёвым, родственником ныне покойной жительницы нашего города Галины Алексеевны Климовской – автора глиняной игрушки, искусствоведа и краеведа. Вдоль стен стояли новые стулья с мягкими спинками, проигрыватель, пианино. Не понравился мне только паркетный пол, покрашенный тёмной морилкой и густо покрытый мастикой. С пола я и начала свою работу в музыкальном салоне. Никто меня об этом не просил. Я очистила паркет от морилки, довела его до светлого состояния, натёрла до блеска мастикой. Добилась от заведующей, чтобы музыканты не использовали салон как раздевалку. Затем внимательно изучила содержание этикеток под портретами и поняла, что в салоне раскрыта тема «Пушкин и музыка». К тому времени в мои руки попала книга А. Гессена «Жизнь поэта». В ней-то я и нашла материал о музыкальном окружении поэта и отдала должное автору книги, который увлёк меня ярким и художественным рассказом о Пушкине.

Я занималась с детьми микрорайона как заведующая детским сектором. Какой была моя аудитория? Летом я занималась с детьми железнодорожников на детской площадке в их городке. А в течение учебного года – с учениками средней школы № 3, где учились мои дети. Все учащиеся восьмилетней школы № 1 во время их классных часов были в моём распоряжении (школа находилась рядом с клубом, и у неё не было помещения для внеклассной работы). Для старшеклассников средней школы № 1, ко-

торая тогда располагалась в здании Путевого дворца, проводились тематические вечера. Работа с детьми была разнообразной по форме и содержанию, но больше всего меня влекла пушкинская тема, к ней я относилась

Детский субботник в саду клуба им. Парижской коммуны.

Слева Т. В. Горох. 1972 г.

Фото А.П. Рыбакова

бережно, вдумчиво и серьёзно. Я сама училась понимать Пушкина, его мысли, чувства и учила этому детей. При встречах с моими юными пушкинистами – Мариной Хатиной, Мариной Инчевской и Жанной Балашовой, которые стали милыми взрослыми дамами, мамами, я сказала им о том, что вспоминая наши занятия, испытываю неловкость от того, что они, совсем юные, так много трудились, чтобы осмыслить каждое пушкинское слово и умело донести до аудитории. И неожиданно услышала такой приятный для меня ответ: «Мы всё это помним, и мы гордимся тем, что Вы доверяли нам такие серьёзные вещи».

Сотрудники клуба им. Парижской коммуны со своими детьми.

Слева - художник М. Божок и его дочь Лена (внизу слева).

В центре слева – зав. детским сектором Т.В. Горох. Её сын Алексей (слева), дочь Гелена (впереди в центре). В центре – руководитель курсов вязания Н.А. Смирнова и её дочь Наталья (впереди). Слева - директор клуба З.Н. Макарова. 1973 г.

Справа - два парня из ВИА при клубе им. Парижской коммуны.

Фото А.П. Рыбакова

Я понимала, что само здание гостиницы Пожарских как памятное пушкинское место Торжка обязывало вести пропаганду наследия поэта, и занялась этим. Когда текст по теме «Пушкин и музыка» был готов, я подобрала записи музыкальных произведений, о которых шла речь. Проигрыватель работал прекрасно. О подготовке литературно-музыкальной композиции я рассказывала сотрудникам. С большим интересом меня слушали киномеханик, контролёр, уборщицы, сторож, руководители кружков, заведующая клубом З.Н. Макарова.

Не случайно я уделяла много внимания пушкинскому музыкальному салону. Постоянное углублённое изучение этой темы, подготовка новых вариантов экскурсии по выставке этого салона (для одиночных посетителей, для детей, к экскурсии по выставке как части городской экскурсии по пушкинским местам) окончательно привели меня в мир пушкинианы. Мне было так интересно в этом мире, что казалось просто несправедливым то, что в нём я буду одна. Мне захотелось подарить этот мир и другим.

Первыми слушателями, конечно, стали те классы средней школы № 3, где учились мои дети. Пожелала прийти на экскурсию в клуб со своим классом Галина Александровна Белова, учитель литературы этой школы. Я запомнила её. В своей статье в местной газете она отметила мою работу, моё искреннее желание поделиться с детьми своей радостью общения с творческим наследием А.С. Пушкина. Это было первое упоминание моего имени в прессе в связи с именем поэта.

(слева направо)

*Нелли Алексеевна Смирнова – руководитель курсов худ. вязания и плетения,
Устинья Федоровна – ночная дежурная,
Таусия Владимировна Горох – зав. детским сектором,
Ольга Николаевна Румянцева – бухгалтер,
Николай Иванович Потапов – рук. духового оркестра
Фото А.П. Рыбакова*

В процессе приобретения новой литературы о Пушкине я встретила свою тему, разработанную специалистами: музыкантами, искусствоведа-

ми. Подготовила такой текст, с которым можно было выступать вне салона, а музыкальные записи заменила звучанием живых голосов и инструментов. В этом мне помогли педагоги детской музыкальной школы: Любовь Закурина, Ирина Богдан, Марина Зеленова и другие. С ними мы сделали ряд показательных выступлений и вечеров в клубе, где был салон, в гостинной комнате музея А.С. Пушкина и в доме культуры Опытного-производственного хозяйства Всесоюзного научно-исследовательского института льна (ВНИИ льна). Были бесконечные выступления в сельских школах, на фермах, в санатории «Митино», в службах станции Торжок и других местах. После таких выступлений приятно было видеть, что меня запомнили, узнают и улыбаются люди в городе, тогда ещё мне не совсем знакомом.

У меня уже составила значительная библиотека из книг о Пушкине, и мои знания о нём вышли далеко за пределы темы музыкального салона.

Я была свидетелем того периода жизни клуба железнодорожников имени Парижской коммуны, когда он из центра культуры, которую долгие годы возглавлял известный и всеми уважаемый Александр Иванович Попов, стал обыкновенным профсоюзным клубом.

Все профессиональные и творческие силы, а также все театральные, хоровые и танцевальные коллективы были переведены из него во вновь отстроенный Дом культуры. Но жизнь в клубе не прекращалась, он по-прежнему оставался местом, любимым горожанами, и особенно жителями микрорайона.

Не было дня, чтобы этот дом пустовал. Ежедневно для читателей были открыты двери библиотеки, которой заведовала юная Татьяна Ивановна Иошина, в то время студентка Ленинградского института культуры. А для зрителей предоставлялся кинозал, где Тамара Петровна Тихомирова и Ксения Борисовна с желанием и любовью демонстрировали фильмы.

В определённые дни, согласно графику занятий, в него шли учащиеся курсов кройки и шитья, которыми руководила Мария Николаевна Мосалович, и художественного плетения и вязания, которые вела Нелли Алексеевна Смирнова.

Ежедневно можно было встретить участников духового оркестра, которым ещё с послевоенных лет неизменно руководил Николай Иванович Потапов. Для духовых инструментов была выделена специальная комната на первом этаже, а рядом была просторная, светлая, уютная мастерская, где творчески трудился художник Михаил Божок. Потребность в услугах

духового оркестра и художника была велика, поэтому поток заказчиков не ослабевал.

В уютный, светлый актовый зал на втором этаже к Светлане Алексеевне Клещевой охотно приводили своих маленьких питомцев молодые мамы и бабушки. Малышей учили танцевать. Светлана Алексеевна делала это умело и талантливо. В молодости она была примой танцевального коллектива в этом же клубе. Подготовленные ею танцевальные номера пользовались успехом не только в нашем городе. Светлана Алексеевна со своими малышами выезжала в Ленинград, где в конкурсе художественной самодеятельности её коллектив завоевал призовое место.

*Застолье к октябрьским праздникам. 1972 г.
(На столе - винегрет и тюлька. Какая вкуснятина!)*

Слева направо:

*Зинаида Николаевна Макарова – зав. клубом,
Николай Иванович Потапов – рук. духового оркестра,
Виктор Алексеевич Горох – муж Т.В. Горох,
Таусия Владимировна Горох – зав. детским сектором,
Татьяна Ивановна Иошина – зав. библиотекой,
Ольга Николаевна Румянцева – бухгалтер,
Нелли Алексеевна Смирнова – рук. курсов худож. вязания и плетения,
Устинья Федоровна – ночная дежурная,
муж Н.А. Смирновой.
Фото А.П. Рыбакова*

Светлана Алексеевна была учителем литературы и русского языка в железнодорожной школе № 35. В этой же школе она вела танцевальный

коллектив. На ежегодных конкурсах «За честь школы» он всегда получал первые места.

Как учитель литературы она готовила вечера, в постановку которых смело вводила всевозможные приёмы театрализации и художественного оформления. Запомнился один из таких вечеров, посвящённый Дню Победы. В нём счастливо, талантливо соединились сценарий Светланы Алексеевны и оформление клубного художника. Всё: и глубокая задумка, то есть сценарий вечера, и тщательные репетиции текста и сценических действий, и великолепное художественное оформление – происходило в клубе, как и сам так запомнившийся вечер.

Для проведения общешкольных мероприятий актовый зал клуба использовался и средней школой № 1. Они запомнились мне многочисленностью детской аудитории и высокой организованностью.

Учителя литературы и руководители всех классов средней школы № 3 приводили своих детей на занятия в музыкальный салон. А учащиеся младших классов постоянно занимались в драматическом кружке и в кукольном театре, где ими было подготовлено пять русских народных сказок.

Напротив клуба им. Парижской коммуны г. Торжка. 22 апреля 1973 г.

Фото А.П. Рыбакова

А восьмилетняя школа № 1, называемая «школой под каланчой», находившаяся рядом, не имела актового зала, поэтому охотно сотрудничала

ла с клубом. Мне нужна была детская аудитория, и классные руководители этой школы охотно отпускали своих детей в клуб на один час внеклассной работы. Эта работа была постоянной, разнообразной, живой. Им предлагались сообщения и беседы согласно календарю памятных дат страны, а по календарю школьной жизни они готовили собственные выступления. Так, к юбилею А. Гайдара был инсценирован фрагмент повести «Тимур и его команда».

Хочу подробно рассказать об огромной помощи сотрудников клуба в моей работе с детьми.

Начну с библиотеки. Самым оживлённым днём встречи с детьми в клубе было воскресенье. Перед дневным сеансом они собирались в библиотеке за длинным столом, на котором Татьяна Ивановна уже разложила иллюстрированные журналы и разные книжные новинки. На торцах книжных стеллажей выставила литературу на разные темы, в том числе и для детей. А я, получив с интересом внимающую аудиторию, делала сообщения по датам красного календаря и проводила тематические викторины с обязательным награждением победителя. Такое общение с детьми было активным и познавательным.

Художник Михаил Божок оформлял не только книжные выставки, но и сцену актового зала к концертам к дням 8 Марта, Советской армии и Победы, к юбилеям писателей А. Гайдара, В. Маяковского и других.

Он сделал для нас передвижной кукольный театр, с которым мы могли выступать не только в стенах клуба или другого помещения, но и на улице, на природе, где в праздничные дни любили отдыхать горожане.

Кукольный театр был любим и исполнителями, и зрителями. На смотре художественной самодеятельности школ города он получил первое место.

Со своими подготовленными номерами (юморесками, спичами, стихами, спортивными номерами, рассказами о Пушкине, о стройках и важных событиях страны) дети любили выступать перед взрослой и детской аудиторией.

Выступали они и перед зрителями в кинозале клуба. Киномеханики Тамара Петровна и Ксения Борисовна были привлечены к такому обслуживанию киносеанса. Довольны были все: зрители, киномеханики и выступающие дети.

Итак, моей прерогативой были музыкальный салон, кукольный театр, кружок юных пушкинистов, драматический кружок – организация всей работы с детьми.

В период моей работы в клубе его заведующими были Зинаида Николаевна Макарова, затем Галина Николаевна Алексеева. Начальником станции железнодорожного узла Торжок в то время был Николай Николаевич Анисимов.

*Т.В. Горох на занятиях с детьми.
Фото А.П. Рыбакова*

*Т.В. Горох во время поездки
музейных сотрудников в Михайловское.
Фото из домашнего архива автора*

*Статья написана по просьбе
Валентины Ивановны Лепёхиной,
директора экскурсионного бюро,
для включения в сборник воспоминаний
о Валентине Фёдоровне Кашиковой.*

Моя пушкиниана

Я очень рада, что моя взрослая жизнь состоялась в пору высокого всплеска волны глубокого интереса и любви к жизни и творчеству А.С. Пушкина. Начало зарождения этой волны, как мы помним, – юбилейные годы поэта, 1937 и 1949, а пик её – 70-е, 80-е годы прошлого столетия.

*Анна Петровна Керн.
Фото из открытого
источника в Интернете*

Видимо, я была склонна оказаться захваченной этой волной.

Куда бы ни заносила меня судьба жены военнослужащего, везде мне встречался А.С. Пушкин. Так, в одной из библиотек воинской части на границе СССР с Ираном я увидела том научных трудов, в котором меня поразила статья о последней дуэли Александра Сергеевича, ставшей трагедией и для его семьи, и для всей России.

В одной из библиотек Северной группы войск я нашла книгу воспоминаний современников о Пушкине. Самым интересным, искренним для меня был рассказ о поэте Анны Петровны Керн.

Вернувшись в Союз (так мы, служившие за рубежом, называли своё Отечество), наша семья получила направление в Торжок. Я уже знала, что здесь похоронена автор захвативших меня воспоминаний – А.П. Керн. В первый же день знакомства с городом,

*Клуб железнодорожников им. Парижской коммуны в г. Торжке.
Фото из открытого источника в Интернете*

не зная ни одного человека в нём, я окунулась в пушкинскую атмосферу, воздух буквально был ею насыщен.

Здание бывшей гостиницы Пожарских, на котором была установлена памятная доска об остановках в ней А.С. Пушкина, стало местом моей работы в клубе железнодорожников им. Парижской коммуны в качестве зав. детским сектором.

В библиотеке этого клуба я увидела подготовленную к списанию книгу В. Вересаева «Пушкин в жизни» (1936). Содержание её было далеко не похоже на тот объём знаний о поэте, который давала нам школа. Жизнь А.С. Пушкина захватила меня навсегда и безвозвратно.

В это же время мне встретилась книга А. Гессена «Жизнь поэта» (1972), которая увлекла меня ярким художественным рассказом о Пушкине. В ней я нашла сведения о музыкальном окружении поэта и использовала их в тексте экскурсии по музыкальной гостиной, открывшейся в клубе железнодорожников одновременно с музеем А.С. Пушкина на бывшей Ямской улице. Это было в 1972 году. Над её оформлением трудились московские художники. Идея открытия этой гостиной принадлежала Юрию Леонидовичу Керцелли, который часто бывал в нашем городе в связи с созданием, по его же идее, музея путешествий А.С. Пушкина.

Видимо, моя работа с детьми железнодорожников и со школами города стала известна. Мне было предложено открывать музыкальную гостиную для экскурсионных групп, приезжающих в Торжок, и показать её участникам пушкинской конференции, проводившейся в здании клуба в 1973 г. Вскоре после этого директору клуба З.Н. Макаровой поступил звонок из горкома КПСС о том, чтобы я была готова показать работу музыкальной гостиной проверяющей из областного общества «Знание». Вместе с проверяющей в гостиную пришли М.А. Головицкая, инспектор по идеологической

*Рядом с Валентиной Фёдоровной Каишковой.
Фото из домашнего архива автора*

работе при ГК КПСС г. Торжка, и В.Ф. Кашкова, зав. секцией литературного краеведения при городском обществе «Знание».

Так состоялось моё знакомство с В.Ф. Кашковой, человеком, который совместно с другими искренне любившими свой город и его историю создавала в нём высокую духовную атмосферу, но пушкинское веяние шло в основном от неё.

О том, что это верно, я узнала позднее, когда ею была написана книга «Рядом и далеко» (2006, 2008). В момент моей встречи с нею, это начало 70-х годов, за её плечами были с отличием оконченный Калининский государственный педагогический институт и факультативы по риторике, сценическому искусству и литературному краеведению. Будучи студенткой, она прошла по пушкинским памятным местам Тверской земли, была ознакомлена с работами В.И. Колосова, И.А. Иванова, С.А. Фессалоницкого и других авторов о пребывании поэта в Старицком уезде. Их труды были опубликованы уже во второй половине XIX века. Она самостоятельно начала изучение генеалогии дворянских родов Новоторжского и Старицкого уездов Тверской губернии и была уже известна как опытный и талантливый педагог, методист, психолог, автор ряда статей о Пушкине и участник первых литературных пушкинских чтений на Тверской земле в с. Никольское.

В 1976 г. я была приглашена на работу в музей А.С. Пушкина, и

уже в этом качестве стала свидетелем развития во всех жанрах её своеобразной творческой пушкинианы и со всем своим коллективом ежегодно участвовала в организованных ею городских пушкинских литературных чтениях.

Я не случайно начала рассказ о моём вхождении в мир Пушкина параллельно в сравнении с В.Ф. Кашковой. Будь у меня такая готовность,

Музей А. С. Пушкина в Торжке.

Фото из открытого источника в Интернете

такой научный багаж и опыт педагогической работы, как у неё, для меня в музее существовали бы только организационные и хозяйственные трудности.

Для меня же, в течение всего времени пребывания на посту заведующей музеем, всё было в одинаковой мере сложно и трудно. Я входила в этот мир, малознакомый, таинственный и заманчивый, красивый и гармоничный, отягощённая ворохом хозяйственных забот, вместе с моими юными научными

сотрудниками Людмилой Васильевной Тулиновой и Любовью Юрьевной Ивановой, за плечами которых были знания о Пушкине в объёме школьной программы, а за моими – законченный

*Т.В.Горох проводит экскурсию по музею А.С. Пушкина. Среди слушателей – внук Л.Н. Толстого Владимир (3-й слева).
Фото из домашнего архива автора*

естественно-географических факультет Краснодарского государственного педагогического института и небольшой опыт педагогической работы.

Откуда у меня было чувство тревоги, паники и беспомощности?

Внешне всё обстояло благополучно. Музей привлекал к себе посетителей новизной своей темы: «Пушкин и Торжок», «Пушкин и Тверской край». Эти первые экспозиции были красивы, притягательны. Аура самого дома, предметный мир, заполнивший его залы, были опорой и защитой наших первых наивных экскурсий. Но во мне всё протестовало. Почему я должна говорить те или иные слова, пусть даже по теме экспозиции, у экспонатов, о которых я ничего не знаю, которые чужды мне и отторгают меня? Попытка соединить их со сведениями из биографии поэта и его литературного наследия не удавалась.

А поток желающих увидеть музей нарастал.

Израиль Моисеевич Бружеставицкий, генеральный директор Тверского государственного объединённого музея, куда входил как филиал и наш музей А.С. Пушкина, как правило, приезжал из Твери на праздники пушкинской поэзии в Торжок и обязательно присутствовал при прове-

дении экскурсии по музею для гостей города. Он заметил, что её всегда проводила Валентина Фёдоровна. «Почему вы так устарились от прямой своей обязанности быть хозяевами своего дома, своей экспозиции? – говорил он нам. – Я не могу не отметить талантливый, глубоко захватывающий слушателей рассказ Валентины Фёдоровны, который может прозвучать вне музея, в любом месте, перед любой аудиторией. В музее же другая форма подачи материала. Здесь должна звучать речь самого поэта в условиях среды того времени, когда он жил». Когда мы робко возразили, что в Торжке нет человека, более подготовленного в пушкинской теме, чем Валентина Фёдоровна, и что это желание властей города, чтобы и Торжок, и музей представляла именно она, он ответил примерно так: «А зачем тогда музей, если не используются богатейшие возможности его залов не только услышать пушкинское слово, но и увидеть, прикоснуться, почувствовать то, о чём идет речь, и поверить в него».

Итак, задачи поставлены и разъяснены. Для их выполнения нам нужны были знания, которые давали историко-филологические факультеты вузов или огромный опыт работы, которого у нас тоже не было. И послаблений для нас никаких не было.

Основной поток посетителей и экскурсантов поступал из Москвы и Ленинграда, городов, которые являлись центрами науки о Пушкине и в которых были открыты и действовали главные пушкинские музеи страны. Наш музей был также создан на высоком столичном уровне. Мы понимали, что и обслуживание его экспозиции должно быть достойным уровня достижений науки о Пушкине.

Как же мы вышли из этого серьёзного положения?

В процессе создания постоянной экспозиции «Петербургско-Московский тракт в жизни и творчестве А.С. Пушкина. Пушкин и Торжок», открывшейся в 1979 году, сотрудники музея были предельно внимательны к подробностям её рождения. Профессиональные ответы на бесчисленные вопросы они получали от художников-оформителей, которые были знатоками предметных и изобразительных материалов. Людмила Арсеньевна

Таисия Владимировна Горох на рабочем месте. Музей А.С. Пушкина. Фото из домашнего архива автора

Казарская и Галина Макаровна Гречишкина, научные сотрудники литературного отдела Тверского государственного объединённого музея, авторы тематико-экспозиционного плана этой экспозиции, поясняли логику размещения в ней документов эпохи и пушкинских текстов так, чтобы экспозиция привлекала внимание посетителей, и чтобы они без помощи экскурсовода понимали её содержание.

*Заведующие музеем А.С. Пушкина в Торжке.
Таисия Владимировна Горох, 1976-2004 гг.,
Наталья Викторовна Фокина, с 2009 г.,
Татьяна Евгеньевна Рыжикова, 2005-2009 гг.
2010. Фото А.Д. Михайловского*

получили только более расширенное представление о содержании этикеток под экспонатами. Жизнь потребовала от нас серьёзного, научного подхода к изучению темы нашей экспозиции. Тем более, что в воздухе как-то повисло определение нашей деятельности в музее – «сундучники». Определение было недоброжелательное. Мы поняли намёк на то, что основная глубокая пушкиниана где-то рядом, но не в музее, где мы приставлены только к материальному миру пушкинской поры как его хранители.

Как основательно освоить и укрепить заданный нам курс – говорить о величии поэта только в реальных условиях его времени? Как это делать, объясняли нам вышедшие в то время в свет книги А.З. Крейна «Рождение музея» (1969) и «Жизнь музея» (1979). Учебники появились. Позднее

Первую экскурсию по новой экспозиции для общественности города и гостей города на Пушкинском празднике поэзии в Торжке провела Татьяна Евгеньевна Рыжикова, вернувшаяся в то время в музей, в котором она работала с первых дней его открытия. Результат оказался более чем успешным. Позднее подобные экскурсии проводили все научные сотрудники: Л.В. Тулинова, Л.Н. Светличная, Л.Ю. Иванова и др., мастерство их росло.

Но оставлять свои экскурсии на этом уровне мы не могли. На первом этапе освоения экспозиции мы, по существу, от создателей её

появились и преподаватели. Как правило, это были посетители из разных мест России, которых покори́л и очаровал наш музей.

Но вначале я с большим уважением назову имена наших земляков, которые напомнили нам, музейным работникам, о высокой благородной миссии – хранить памятники отечественной культуры.

Например, сотрудник идеологического отдела обкома КПСС и составитель

книги «Тверской венок Пушкину» (1989) А.Е. Смирнов, выступая в нашем музее на одной из юбилейных дат пушкинских литературных чтений, говорил примерно так: «Что бы мы ни говорили, что бы ни писали о Пушкине, о пребывании его в Тверском крае, основательно и навсегда привязали его имя к нашей земле реалии, т. е. то, что можно увидеть, к чему прикоснуться, что почувствовать, понять, во что поверить. Это старинные строения городов Твери, Торжка, Старицы и с. Бернова, это вещи из того далёкого времени, которые составляют экспозиции в Бернове и Торжке. Они, пережившие целый ряд поколений

*Т.В. Горох – слева,
Л.В. Тулинова – в центре (науч. сотрудник),
Н.В. Фокина – справа (заведующая).
Фото А.Д. Михайловского*

людей, единственные свидетели пребывания Пушкина на Тверской земле».

Ныне покойный главный хранитель фондов Алексей Алексеевич Чариков говорил: «Вы напрасно беспокоитесь, что вас называли «сундучниками». Из всех видов памятников материальной и духовной культуры самыми достоверными являются именно сундуки, лавки, одежда, посуда и т.д., у них могут быть только утраты каких-либо элементов. А вот письменные источники изначально могут быть неполными, ошибочными, ложными. Сообщая, не обо всём напишешь, о многом умолчишь, допустишь ошибку или получишь нужный для тебя документ за мзду». Что письменные источники нужно проверять, мы убедились в своей практике неоднократно.

Услышанное нами от А.Е. Смирнова и А.А. Чарикова так укрепило нас в нужности нашей профессии, что у нас проснулось чувство гордости за свою миссию, которое укрепилось в процессе многолетней работы в му-

зее. Мы поняли, что оберегая эти предметы и документы старины, эти символы эпохи, мы храним историю отечественной культуры. И оказалось, что наша экспозиция имеет богатейшие возможности для всестороннего её изучения вообще и для раскрытия темы нашей экспозиции в частности.

Кто же помог нам увидеть эти возможности и ускорить процесс изучения предметов экспозиции и использовать их во всех видах научной и просветительской работы музея?

«Я восхищаюсь отбором пушкинских автографов (т.е. писем, рисунков), прижизненных изданий его произведений, фрагментов из его произведений и умелым расположением их в экспозиции таким образом, что Пушкин сам явился рассказчиком тех впечатлений о России, которые

После открытия выставки «Живая старина». Татьяна Павловна Большакова, Людмила Васильевна Тулинова, Анна Александровна Смехачёва, Татьяна Евгеньевна Рыжикова, Наталья Викторовна Фокина, Таисия Владимировна Горох, Андрей Дмитриевич Михайловский, Ольга Васильевна Лобанова, Ольга Николаевна Емельянова. 2010. Фото А.Д. Михайловского

*Таисия Владимировна Горох.
Музей А.С. Пушкина.
Фото из домашнего архива автора*

подарила ему дорога», – говорила Римма Ефремовна Теребенина, новоторка, посетившая наш музей в составе группы учёных из Пушкинского Дома.

Результат знакомства с нею был важным и значительным. Я побывала в Петербурге, комнате-сейфе Пушкинского Дома, где хранилась святая святых, духовное достояние России – рукописное наследие поэта, учёным хранителем которого в то время была Римма Ефремовна.

Мы получили от неё копии с подлинных писем поэта, отражавших его связи с Торжком и Новоторжским уездом, и копии с работ тверских учёных о пребывании Пушкина на нашей земле, т.е. с тех, которые были уже известны Валентине Фёдоровне. Римма Ефремовна оказа-

ла нам все виды помощи по изучению творческого наследия поэта, подарила книгу «Пушкинские места России» (1984), в которой мы нашли научно выверенные страницы жизни и творчества поэта на Тверской земле. И дала совет: иметь в музее всё рукописное наследие поэта, полное академическое издание собрания сочинений А.С. Пушкина, труды пушкинистов-классиков, литературные изыскания учёных, проживающих в России и за рубежом, издания произведений А.С. Пушкина на языках народов мира и т.д. Всё это с помощью друзей-единомышленников поступило в наш музей и поступает по сей день в процессе его жизнедеятельности. Всё это – основа основ научной жизнедеятельности пушкинского литературного музея.

Расскажу о встрече с директором объединения музеев Ленинградской области и его впечатлениях о нашем музее.

«Я уже уважаю вашу пушкинскую дорожную экспозицию за то, что эту свежую новую тему в музейной пушкинине вы начинаете с показа подлинной карты дорог России, изданной в 1811 году». Его чувство уважения только укрепилось, когда в процессе осмотра музея он увидел не менее важные документы, продолжающие показ этой дороги: на подлинных картах Новгородской и Тверской губерний, на планах городов Твери и Торжка, на картинах с изображением почтовых станций и городских застав.

Для меня встреча с таким посетителем и его замечания были важны. В душе своей я порадовалась тому, что мне, географу по профессии, тоже был близок и приемлем этот графический способ показа материала, способ, системно и логично вбирающий в себя массу информации. Невольно я вспомнила, что рассматривая первую экспозицию нашего музея в 1972 году, я как посетительница не могла понять, о чём же рассказывает этот музей в Торжке, пока не увидела таблицу проездов Пушкина через Торжок и остановок его в гос-

Т.В. Горох.

Фото А.Д. Михайловского

тинице Пожарских, составленную В.Ф. Кашковой. И накрепко связала имя Пушкина с нашим городом, рассмотрев карту-схему «Пушкин и Торжок», составленную Л.В. Андреевым.

Со временем, когда фонд информации музея стал обширным, таким способом я исполнила ряд научных работ, которые стали основополагающими по изучению эпохи Пушкина вообще и по теме нашего музея в частности. Они, эти графические работы, карты, схемы, планы, таблицы позволяют исследователю, не тратя времени на поиски, быстро находить этот материал и в частностях, и в логической связи, ускоряя процесс вхождения в изучение темы. Вот эти работы:

– «Бюрократия России» (показ форм управления Россией времени Пушкина);

– «Табель о рангах» (чины и должности служащих в придворной, гражданской, военной и духовной ветвях государственной власти России);

– «В течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям» (с помощью цвета, дат, линий указаны все места России, где побывал поэт и на сколько задержался);

– схема «государевой дороги» Санкт-Петербург – Москва (с указанием всех почтовых станций, вёрст между ними, количества лошадей на каждой почтовой станции и научными подтверждениями всех проездов Пушкина по этой дороге);

– «Оленины» – родословное древо (с подробным показом ветви этого рода по линии Петра Алексеевича Оленина, потомки которого жили в «старом доме» на Ямской в Торжке, где хранились реликвии семьи из времени Пушкина и где уже 40 лет существует музей, посвящённый имени великого поэта).

С первых дней открытия музея в его залах мы почти ежедневно видели Галину Алексеевну Климовскую, автора известной новоторжской глиняной игрушки. В то время она училась заочно в одном из новгородских вузов, готовя себя к профессии искусствоведа. Мы видели, что её интересует весь изобразительный и бытовой материал нашей экспозиции, а это более чем половина её состава. Для нас этот материал был не более чем возможностью о нём говорить так: «Так одевались ямщики», «Так выглядели деревни между Новгородом и Тверью, а вот – «Покинутая изба в селе Никольское» и т.д.

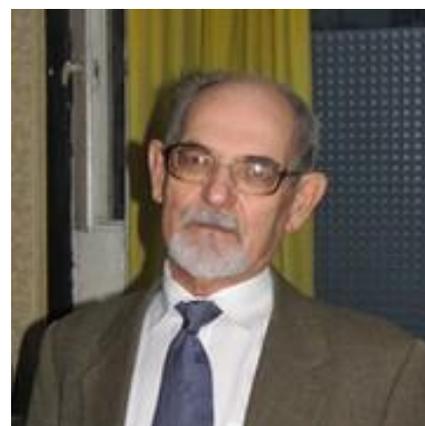
В музеях, библиотеках и архивах страны Галина Алексеевна находила сведения для глубокого изучения. Это было необходимо для исполнения ею курсовых и дипломной работ. В процессе общения с нами Галина Алексеевна подробно объясняла нам каждый предмет в обязательном

единстве с именем автора (будь то художник, скульптор, архитектор, мастер или ремесленник), с его жизнью, с особенностями его творчества, с историей создания его произведения или изделия и с их судьбой. Таким образом, экспозиция наша одушевилась, ожила, «заговорила». И когда Галина Алексеевна подготовила и прочитала нам лекции по изобразительному искусству вообще и материалам нашей экспозиции в частности, мы поняли, что она умело ввела нас в мир изобразительного искусства, в мир изобразительной пушкинианы и укрепила в этом состоянии, оставив нам все свои разыскания из архивов и музеев страны. И этим положила начало созданию фонда информации музея. Галины Алексеевны теперь нет с нами. Но мы вспоминаем и говорим о ней с благодарностью и уважением.

Знакомство с Г.А. Фёдоровым (к сожалению, я теперь уже не помню точно его имя и отчество), штатным экскурсоводом, профессором, преподавателем истории мировой и русской культуры в одном из ленинградских вузов, еще более активизировало наше «вживание» в эпоху Пушкина.

Если сотрудничая с Галиной Алексеевной, мы одновременно с ней учились на факультете искусствоведения, постепенно входя в мир изобразительного искусства и бытовой среды России XIX века, то слушая рассказ Г.А. Фёдорова, экскурсанты входили в реальную жизнь многословного русского общества. Я больше никогда не встречала ни в одном музее экскурсовода, который бы говорил «языком музейного предмета», т.е., так, как надо. Мы внимали его рассказу и невольно вместе с ним оказывались во времени Пушкина, узнавали «в лицо» героев его произведений, друзей и современников и становились участниками неожиданно «оживших» сцен, подмеченных Пушкиным-путешественником.

«Как я по-хорошему завидую вашему музею. Как бережно, умно, красиво исполнена экспозиция в нём. Несмотря на то, что, в основном, она состоит из копий. Я же в своём музее поместил только подлинные документы, которые сам собрал, изучил и по сей день продолжаю поиски и свои исследования, но не добился такого результата», – так делился своими впечатлениями историк, первый директор музея-усадьбы «Приютино», а позднее научный сотрудник Пушкинского Дома Лев Валентинович Тимофеев.

*Лев Валентинович Тимофеев,
первый директор музея-
усадьбы Приютино,
г. Всеволожск, 1969-1977 гг.
Фото из открытого
источника в Интернете*

Главным предметом его исследований было семейство Олениных, глава которого, Алексей Николаевич Оленин, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки и исполнитель ряда многих других важных должностей, в своём доме в Петербурге принимал представителей науки, русской культуры, искусства, видных общественных деятелей, живших и активно участвовавших в научной и общественной жизни России на рубеже XVIII и XIX веков. В салоне А.Н. Оленина в разные годы бывал и Пушкин. Он хорошо знал всё семейство Олениных и их родственников. Дочь А.Н. Оленина, Анна Алексеевна, стала адресатом его лирических стихотворений, а один из сыновей, Пётр Алексеевич, женившись на дочери новоторжского дворянина Марии Сергеевны Львовой и получив имение со стороны матери под Торжком, навсегда связал свою судьбу с Новоторжским уездом. В доме на бывшей Ямской улице, хозяйкой которого на рубеже XVIII и XIX веков была дочь Петра Оленина – Татьяна Петровна Балавенская, хранились реликвии семьи Олениных, портреты и вещи из дома Олениных в Петербурге. В подлинниках, копиях и фотографиях интерьеров этого дома на Ямской эти вещи представлены в нашей экспозиции.

Единая тема исследования «Пушкин и Оленины» сблизила наши интересы как музейных работников. К нашей экспозиции он не имел замечаний. Но памятная доска на стене дома о пребывании в нём А.С. Пушкина

*Л.В. Тимофеев
на вечере в музее А.С. Пушкина
в Торжке. 28 ноября 2008 г.
Фото Н.А. Лопатиной*

и утверждение о том, что Пушкин заезжал к Петру Алексеевичу Оленину, в текстах экскурсии по музею и по городу – приносили ему чувство досады, боли и горечи. В силу того, что мы тесно контактировали с ним, ему удалось доказать нам на основе архивных изысканий невозможность, в силу сложившихся жизненных ситуаций каждого из них, встреч Петра Оленина и Пушкина в доме на Ямской. Я помню, как не хотелось моим сотрудницам расставаться с этой сладкой сказкой, но они расстались. Экскурсоводы, приезжающие со своими группами туристов в Торжок из Петербурга, рассказывают Льву Валентиновичу, что в экскурсиях по городу так и бытует эта легенда, эта

неправда. А это уже на совести наших экскурсоводов, если им лень перестроить свою экскурсию.

Лев Валентинович, всю жизнь свою посвятивший работе в архивах, изучая русскую историю и культуру конца XVIII – начала XIX веков, учил нас не верить публикациям в печати, всё проверять подлинными фактами и документами. «В музее, как в научном учреждении, как в любой науке, не должно быть натяжек, предположений и сослагательных наклонений», – так говорил он.

Передав нам свои результаты исследований в виде писем, статей, книг, журнальных публикаций по своей теме и по теме нашего музея, он научно, на высоком уровне обогатил наш фонд информации на тему «Пушкин и его время» и его раздел «Пушкин и Оленины».

Александр Александрович Смирнов, учёный секретарь Государственного исторического музея, а позднее – главный научный сотрудник ГИМ. Наше сотрудничество с ним продолжалось более 20 лет. Приехав в Торжок в составе московской экскурсии, и посетив наш музей, он, не пройдя и половины залов, подошёл ко мне и сказал: «Я покорён вашим му-

*Александр Александрович
Смирнов, главный научный
сотрудник ГИМ. Москва.
Фото из открытого источника
в Интернете*

зеем, потому что он широко и полно отражает тему, которой я увлечён с детства – это 1812 год. Более всего в экспозиции раскрывают её произведения А.С. Пушкина, мемориальные вещи семьи Олениных и портреты современников поэта, которые так или иначе участвовали в этой войне. Готов с вами сотрудничать во всех видах деятельности вашего музея».

Результатам этого сотрудничества посвящена отдельная глава моих «Записок заведующей музеем А.С. Пушкина» (2005 г.). Отмечу самое важное. До знакомства с ним у нас «не работала» добрая половина экспозиции. В экскурсиях по ней мы говорили о путешествиях Пушкина, о дорожном быте России, о дорожных впечатлениях поэта. Женские портреты и пушкинская лирика оживляли их.

Та половина экспозиции, которая «не работала», – это портретная галерея современников Пушкина, представителей дворянского правящего класса России. Вначале мы не проявляли должного, глубокого интереса к мужским портретам в нашей экспозиции, и в этом заключалось огромное упущение в изучении истории России. В послужных списках каждого зна-

комца Пушкина были указаны, как и полагалось по законам того времени, кроме даты и места рождения, генеалогия семьи, знатность рода, воспитание, образование, служба придворная или гражданская, военная или духовная, указывались должности, награды, ордена, чины.

Жизнь и деятельность каждого из них в результате – это определённый мир, который занимал своё место в духовной, государственной, экономической или общественной жизни России. И чтобы понять их значимость, важность, надо было знать Россию.

Подходили мы к этому пониманию через наш экспозиционный материал. Александр Александрович начал с нами изучение жизни и её военных страниц боевых офицеров, участников войны 1812 года: П.А. Оленина, Ф.Н. Глинки, И.И. Лажечникова, К.М. Полторацкого, К.Н. Батюшкова. В нашу речь вошли такие слова и выражения: «формулярный список», названия всех русских полков, «адъютант», «должность», «чин», «мундир», «орден» и т.д. Понять значение этих слов нельзя без связи с такими понятиями, как «русская армия», «русские ордена», участие русской армии в военных походах и т.д.

«Русская армия» – такой раздел появился в фонде информации нашего музея. И это закономерно: армия – обязательная составляющая любого государства. И боевые офицеры, и те знакомцы Пушкина, которые после войны 1812 года вышли в отставку и занимали гражданские должности в государственных учреждениях столичного, губернского, уездного уровня или оставались в своих имениях, стали предметом нашего изучения. Пушкин, его отец, брат и родственники, герои его произведений служили. И чтобы понять, в какие ситуации попадали герои его произведений, почему они так или иначе поступали, мыслили, любили, страдали, надо было изучить государственное управление России, деятельность государственных учреждений различных ветвей власти, придворной, военной, гражданской и духовной, табель о рангах и т.д. и понять душную атмосферу, царившую в чиновничьем мире всех ветвей власти, на всех уровнях.

Такой материал появился в нашем фонде и занял своё место под рубрикой «Бюрократия России».

Обширный материал по этой теме мы получили от Александра Александровича. Были занятия с ним, были консультации, когда в наши научные разработки входили малознакомые для нас понятия. Фонд информации нашего музея увеличился в несколько раз. Это он объяснил нам, что в научном учреждении фонд информации должен быть научно описан, логически систематизирован и должен иметь научно-поисковый аппарат, который давал бы возможность постоянно обращаться к нужной информации.

Я горда тем, что в моё «царствование» (с 1976 по 2004 гг.) была исполнена эта работа. В основном мной (сотрудницы участвовали в ней эпизодически) были написаны тысячи карточек-указателей, которые приводили нас к нужной информации на нужной странице книги (а их в фонде было 1700 экземпляров) или к другим источникам (которых было более 7000 единиц хранения) за минуту или полминуты.

Создание такого фонда информации в музее означало максимальное и быстрое обеспечение всех видов его деятельности.

Елена Гавриловна Ванслова, заведующая отделом музееведения Министерства культуры РСФСР, кандидат филологических наук. Сотрудничеству нашего музея с ней также посвящена отдельная глава моих «Записок».

В начале 80-х годов прошлого столетия она предложила нам подготовить и провести систему занятий с детьми с самого раннего возраста вплоть до окончания школы по развитию музейной культуры и исторического сознания. Мы согласились не раздумывая, потому что хотели понять яснее эти цели и задачи, а ещё, что для нас очень важно, что в основе этих занятий было изучение подлинников из нашей экспозиции.

Успех был ошеломляющий. Школы охотно предоставляли нам своих детей. Информации для изучения предмета было достаточно в самом музее, недостающую мы получали от наших друзей, профессионалов в своих отраслях знаний. С методикой подготовки и проведения этих занятий нас познакомила Елена Гавриловна.

Занятия с детьми в музее проводили все сотрудники, но в Москву, на семинары выезжала только я, где рассказывала о результатах работы. Татьяна Евгеньевна Рыжикова провела показательное занятие с детьми для руководителей музеев всего объединения. О нас писали в журнале «Советский музей», об этой работе стало известно музейному миру всей страны. Мы были первыми, у нас всё получилось, и это было в музее А.С. Пушкина в г. Торжке.

Коротко о секрете успеха. Подготовить такое занятие и провести – это всё равно, что побывать в «музее одной картины» – эффект восприятия тот же. Одно из таких занятий и получилось как «музей одной картины». В основе его лежало изучение подлинного портрета Петра Алексеевича Оленина, исполненного художником А.К. Лашиным. Он и теперь украшает нашу экспозицию.

Наши дети, приходя на занятие в музей, ожидали очередного чуда, неожиданности. А мы, музейные работники, по-настоящему пробудили в себе интерес к музейному предмету, вкус к музейной профессии.

Александр Александрович охотно проводил подобные занятия, в основе которых были, например, мини-скульптура из глины – солдат в обмундировании одного из полков русской армии, а также знак ордена Святого Георгия, которым награждали солдат за личную храбрость.

Валентину Фёдоровну мы также привлекли к этой важной работе. Вместе с Ларисой Николаевной Светличной они сделали глубокий анализ и описание прижизненных изданий Пушкина и редких книг из нашей экспозиции. Для нас раскрылись такие новые понятия, как «издатель», «типография», «цензура», «книжная лавка», книга как образец искусства книгопечатания и т.д.

Обширный материал, который научные сотрудники использовали при подготовке занятий, лёг в основу научных работ, которые явились ступенями их вхождения в эпоху Пушкина. Эти научные работы помещены в сборнике «Пушкин и Торжок», вышедшем в свет в 2002 году к 30-летию музея.

Всё это отразилось на качестве наших экскурсий по музею – главного вида просветительской работы с населением. Татьяной Евгеньевной и мной были написаны путеводители по музею. И вдруг – о, чудо! В 1994 году вышла в свет книга Валентины Фёдоровны, над которой она трудилась в течение 10 лет, – «Пушкинский путеводитель. Москва – Тверь – Санкт-Петербург».

Её путеводитель – это не текст экскурсии по музею, это глубокая исследовательская работа, выходящая далеко и всеобъемлюще за пределы пушкинской экспозиции.

В нём меня более всего поразили подмеченные автором обязательные детали, связанные с судьбой Пушкина-путешественника: мотивы его поездок, дорожные документы, включающие в себя массу информации, обеспечивающие передвижение путника по «государевой дороге», дорожные экипажи, спутники поэта, гостиницы, «наша» Дарья Евдокимовна Пожарская, описание городов и сёл, встреч с друзьями и знакомыми – всё это образное, высокохудожественное и научное раскрытие пушкинской дорожной темы. Это меня ещё более укрепило в сознании значимости музея поэта, имени которого мы служим.

Я как руководитель музея прекрасно понимала, что Валентина Фёдоровна как писательница-пушкинист, как почётная гражданка нашего города несла всю ответственность за достоверность и качество пушкинских мероприятий в Торжке, где бы они ни проводились, какую бы форму они ни принимали. Я считала своим долгом советоваться с нею при выборе тем и при разработке бесед, лекций, выступлений, научных статей, занятий, с

которыми мы представляли перед жителями города.

Я благодарна Валентине Фёдоровне за настоятельный совет, даже требование издать к 30-летию музея сборник статей «Пушкин и Торжок» (2002). Среди авторов сборника была и она, поместив в нём ряд статей о нашем музее и работу «У Пожарского в Торжке» (1996). Её участие в издании сборника укрепило его научную значимость.

Она благосклонно отнеслась к выходу в свет моих «Записок». В своей книге «Рядом и далеко» она уделила им достойное внимание. Особенную оценку она дала фонду информации, раскрывающему тему «Пушкин и его время» вообще и тему нашей дорожной экспозиции в частности. И не случайно. Ведь он вобрал в себя не только её содержание, но и историю её поисков, научных находок, историю их изучения, а также историю зарождения обширных связей с интересными, благородными, умными людьми, каждый из которых – уникальный мир. Всё это, связанное воедино общей любовью и интересом к творческому наследию Пушкина, – пример того, как живут и мыслят люди в атмосфере гармонии, знаний и добра.

Я стремилась в этот мир и прожила в нём большую часть своей жизни. Живу в нём и сейчас. Рада была возможности назвать имена людей, которые по-настоящему ввели меня в этот мир, к которым я отношусь с огромной благодарностью и уважением.

Музей – это национальное достояние, и трудиться в нём на благо имени великого поэта может любой живущий в разных местах России и мира. Я как заведующая музеем давала эту возможность благородным, одарённым людям, помогавшим ускорить процесс нашего вхождения в мир Пушкина, в мировую пушкиниану.

И.М. Бружеставицкий и В.Ф. Кашкова знали о том, что у нас фактически сложился и плодотворно работал совет содействия музею. Скажу честно, что относились они к этому ревниво, недоверчиво, боясь, что обернётся это какими-нибудь негативными последствиями. Но мои выступления на директоратах в областном музее, на семинарах музейных работников в разных городах России, на учёном совете заместителей директоров по науке пушкинских музеев страны, который проходил в Торжке, в нашем музее, показ работы с детьми по методу Е.Г. Вансловой (это было прерогативой научных сотрудников музея) и, наконец, самое главное, создание фонда научной информации, позволяющего новым сотрудникам быстро входить в суть музейного дела и пушкинской музейной экспозиции, развеяли сомнения Израиля Моисеевича. В результате наш музей был удостоен диплома высокой степени, а я была награждена орденом «Знак Почёта» (1986), а также грамотами, благодарностями и знаком «Отличник

народного просвещения» (1992).

Моё общение с Валентиной Фёдоровной продолжалось до последних дней её земной жизни. Как-то в беседе с ней я сказала: «Для меня музей – это вечная учёба в университете». «Вы закончили не один университет, – ответила она, – и вообще не понимаю, зачем был нужен этот естественно-географический факультет, когда по-настоящему Вы любите литературу». Были ещё хорошие слова: «Вы много ездили, Вы много видели, Вы многому учились, Вы умели привлекать к делу умных, нужных людей, а Ваша отличная память позволяла Вам тотчас же вводить изученный материал в обслуживание нескончаемого потока любителей пушкинской поэзии».

Как не гордиться мне этим!

Память мне позволила написать эти страницы моей пушкинианы, свидетелем вхождения в которую была Валентина Фёдоровна.

Рис. на конверте Почты России

О том, каким образом А.С. Пушкин стал доступен читающей мировой публике, а также история издания его произведений при жизни поэта и по настоящему время.

«Драгоценное наследие»

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

А.С. Пушкин. «Памятник». 1836

Так понимал важность своей миссии перед Отечеством великий поэт России. Мечта его сбылась. Мы живём во время, когда пушкиноведение стало всенародным. Поэт принадлежит всем и каждому, и каждый имеет право высказаться о нём. Или, например, задуматься о том, что если произошло такое сближение Пушкина с народом, то это случилось не сейчас и не сразу. И с благодарностью думать о тех наших соотечественниках, которые в течение двух веков представляли читателям возможность встретиться с творческим наследием поэта, не давая угаснуть любви и интересу к нему.

Как происходило это сближение?

Появление на свет такого необыкновенно талантливого поэта, каким был А.С. Пушкин, знаменательно. Он, как человек с яркой и трагической судьбой и как автор художественных произведений, овеянных тайной, загадкой и магической притягательностью, обратил на себя внимание и завладел умом и чувствами своих почитателей с самого начала своего творчества.

Первое печатное произведение Пушкина «К другу стихотворцу» читатели увидели в журнале «Вестник Европы» № 13. Оно вышло в свет 4 июля 1814 года. В этом, 2014 году, – его 200-летний юбилей.

Стихотворение «Воспоминание в Царском Селе» было напечатано в журнале «Российский музеум», № 4 за 1815 год. Это было первое произведение, напечатанное за полной подписью «Александр Пушкин». Оно было им прочитано на публичном переводном экзамене в Лицее в присутствии многочисленных приглашённых гостей, среди которых был Г.Р. Державин, отметивший, как и другие литераторы, талант молодого поэта, свою смену.

С появлением на свет его очередных произведений: южных поэм, отдельных глав романа «Евгений Онегин», а затем и всего романа, отдельных произведений, таких как «История Пугачёвского бунта», а также сборников его «Стихотворений» (1829), а позже сборников поэм и повестей (1834, 1835) – известность его приумножилась не только на земле русской, но и далеко за её пределами. Выход в свет каждого из них был очередным взрывом читательского интереса, сенсацией.

Популярными становились те периодические издания, на страницах которых помещались произведения А.С. Пушкина.

Счастливыми обладателями волшебных строк, написанных рукою Пушкина, считали себя его знакомцы, владельцы альбомов, адресаты его писем, а также те современники Пушкина, которым посчастливилось сделать списки с любимых стихотворений.

Несмотря на то, что произведения поэта не стали доступными самому многочисленному крестьянскому сословию из-за его нищеты и безграмотности и на то, что не все его читатели из состоятельных сословий могли иметь их из-за малых тиражей и высоких цен на издание, Пушкин ушёл из жизни в вечность, оставив своё имя, овеянное славой, и глубокий неослабевающий интерес поклонников к его личности и творческому наследию.

Он не оставил, будучи дворянином, ни имений, ни крепостных крестьян, ни собственных домов, ни денежных сумм. Юная вдова его, Наталья Николаевна Пушкина, с четырьмя детьми оказалась без средств к существованию. При жизни мужа главным источником таких средств была «торговля стишистая», то есть доходы от продажи его произведений. Он успел напечатать менее половины своих произведений. Так что же оставил он?

Творческое наследие поэта представлено рукописями в виде тетрадей и отдельных листов. И не всегда это были беловые записи, то есть произведения, готовые к печати. Это, чаще всего, были планы, наброски, варианты, черновые автографы законченных произведений, а также деловые бумаги.

Размещено всё это было в двух сундуках. В быту их называли «бумаги Пушкина». Это рукописное наследие, созданное и сбережённое им, хранится теперь как духовное достояние России, её святыня. Такое же отношение и к библиотеке поэта, которую он неустанно пополнял и бережно хранил. Она, рассказывающая о всеобъемлющем интересе поэта ко всем областям знаний, хранится наравне с рукописями.

Со стороны царского двора семье поэта была оказана помощь: погашены все долги его, на воспитание и образование всех детей вплоть до совершеннолетия были назначены пенсии и, что очень важно, было дано разрешение на издание его произведений в пользу семьи.

Помощь и поддержка пришли и со стороны друзей Пушкина. Решено было издать его произведения не по отдельности, не в сборниках, а полным собранием.

Первое посмертное издание сочинений А.С. Пушкина вышло в 1837 – 1840 годах под редакцией В.А. Жуковского (1783 – 1852). В нём было помещено всё напечатанное ранее самим автором. А из рукописей поэта, находившихся в то время в распоряжении редактора, были взяты далеко не все, а только крупные вещи, такие как «Медный всадник», «Сказка о попе и о работнике его Балде» и другие.

Во внесённых произведениях были заметны усилия Жуковского исправить и «причесать» сочинения поэта для цензуры. Были также его собственные замены в трудночитаемых в рукописи местах. Это, заметим, серьёзные отходы от автографов поэта.

В связи с тем, что мы говорим о народном пушкиноведении, нужно знать, что то, что вышло в свет при жизни поэта, по требованию цензуры также было напечатано не полно и с искажениями.

Уже после появления в свет первых томов этого издания возникло желание читателей больше знать о поэте. С новой силой вызвали интерес к личности автора все 11 томов посмертного издания Пушкина и все 11 статей В.Г. Белинского (1811 – 1848) по поводу выхода в свет каждого из них.

Первым биографом Пушкина был он сам. Его автобиографическая проза была известна по прижизненным и посмертным публикациям.

В 1837 году было напечатано письмо В.А. Жуковского к отцу поэта («Последние минуты Пушкина»).

В 1838 году составлено первое пушкинское жизнеописание, сделанное П.А. Плетнёвым (1791 – 1865).

После выхода в свет посмертного издания сочинений поэта появилась анонимная биография Пушкина в «Портретной и биографической галерее» (СПб, 1841).

Наконец, в 1847 году была издана сравнительно большая пушкинская биография, которую написал известный украинский историк Д.Н. Бантыш-Каменский (1788 – 1850) в «Словаре достопамятных людей русской земли» (М., 1936).

О полноте и глубине сведений, приводимых этими изданиями, говорить не приходится. И даже Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский,

впервые упомянув в печати о дуэли поэта, приводя личные воспоминания о нём и рассказы его отца, только обострил ощущение неполноты биографических сведений. Но он наметил путь на важнейшую задачу времени: сохранение рассказов и свидетельств современников Пушкина.

Петра Ивановича Бартенева (1829 – 1912), выпускника историко-филологического факультета Московского университета, основателя и бессменного издателя журнала «Русский архив», следует считать главою научного пушкиноведения, основателем «науки о Пушкине».

Он был первым русским учёным, который спустя лишь десяток лет после смерти поэта начал собирать материалы о нём и о его литературном наследии.

Кто мог рассказать ему о Пушкине в то время?

В России, к сожалению, мало оставили рассказов о Пушкине те, кто жил с ним в одно время, имел счастье его знать, видеть, наблюдать: его семья, его близкие друзья, поклонники и поклонницы его таланта.

Лишь немногие из его знакомцев собрались набросать на бумагу свои воспоминания.

Метод сбора Бартеневым материалов о Пушкине был прост, но верен. Пётр Иванович не ждал их. Он находил нужных людей, встречался с ними или переписывался. Полученные от них сведения он немедленно заносил на бумагу, а свои записи отдавал им на проверку. Из таких записей он составлял биографический и историко-литературный материал, необходимый ему для подробной биографии.

Более 20 человек поделились с ним своими воспоминаниями, которые он записал. Ценность их не равнозначна. Но в печати, сопровождаемые краткими и точными комментариями, предисловиями и послесловиями Бартенева, каждый из них сообщал нечто новое, существенное о поэте. Таких находок было более двухсот. Они разошлись по научным трудам и популярным брошюрам многих исследователей. Без них никакая биография Пушкина невозможна.

Полной биографии Пушкина Бартенев не написал. То, что появилось в печати: «Род и детство Пушкина» (1853), «Лицей» и «Пушкин на юге» – это предыстория этого труда.

Свои работы по сбору материалов для биографии Пушкина П.И. Бартенев начал около 1850 года и вёл их в 1852 – 1853 годах.

Тогда же приступил к работе по изучению Пушкина литературный критик и мемуарист 50-х – 60-х годов XIX века Павел Васильевич Анненков (1813 – 1887), выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета.

Случайности в этом нет, но «странное сближение» отметило самое начало работы над Пушкиным.

Два брата Анненковы – Иван Васильевич и Фёдор Васильевич – были в генеральском чине, и первый из них являлся сослуживцем по лейб-гвардии Конному полку генерала П.П. Ланского (1799 – 1877), второго мужа Н.Н. Пушкиной. Все три брата горячо любили поэзию Пушкина и были близки семье Ланских.

Поначалу взоры вдовы поэта и её мужа обратились на Ивана Анненкова как на возможного издателя нового собрания сочинений Пушкина, которое обеспечило бы детей поэта. У Ивана Анненкова была репутация литературно одарённого человека (им была издана четырёхтомная история полка, в котором служили Ланской и Анненковы).

В своих воспоминаниях «Две зимы в провинции и деревне» Павел Васильевич писал: «Ланская, по первому мужу Пушкина, делами которой, по дружбе к семейству, занимался брат Иван, пришла к мысли издать вновь сочинения Пушкина. Она обратилась ко мне за советом и прислала на дом к нам два сундука его бумаг.

При первом взгляде на бумаги я увидел, какие сокровища ещё в них таятся, но мысль о принятии на себя решения труда издания и в голову не приходила».

Бумаги Пушкина в доме Анненковых, хотя и бегло, в отличие от братьев, просмотрел Павел Васильевич, чтобы дать Наталье Николаевне ответ относительно плана издания. Затем он отправился в Европу, куда позднее прибыл Белинский.

Разговоры двух известных критиков во время их путешествия не могли не касаться вопроса о разработке биографии поэта и идейной подготовки издания его сочинений (первое посмертное в пользу детей поэта было распродано). И когда в 1847 году вышла в свет пушкинская биография Бантыш-Каменского, этот труд в известной мере указал путь дальнейшей разработки материалов о жизни и творчестве поэта. То есть, помимо литературно-критического осмысления творческого наследия Пушкина, начать историко-биографическое направление. Это и привело к мысли посвятить биографии Пушкина первый том его будущего собрания сочинений.

Братья Анненковы, ознакомившись с бумагами Пушкина, поняли, что издание можно доверить только Павлу Васильевичу. Им удалось уговорить его взять на себя этот труд. В мае 1851 года Анненковы заключили договор с Н.Н. Пушкиной на право издания произведений её покойного мужа. С этого времени Пётр Иванович Бартенев не имел права на печата-

ние любых ранее неизвестных произведений поэта. Теперь понятно, почему не была им продолжена работа над биографией Пушкина.

Хотя Павла Васильевича пугали и его «решительный шаг», и «громкость задачи», но уже с осени 1851 года он весь в работе, основополагающим в которой явилось изучение рукописного архива.

Затем им были просмотрены и изучены многочисленные периодические издания той поры.

Просмотрены старые журналы и альманахи.

Важным источником для Анненкова служило «живое предание». «Много алмазных искр Пушкина рассыпались тут и там в потёмках, иные уже угасли и едва ли не навсегда...» – сокрушался Владимир Иванович Даль. Отыскать такой материал – это тяжёлый труд: разъезды, визиты, переписка, трата огромных средств и времени.

Следует запомнить имена носителей «живых преданий» о Пушкине. Это их информация, которая существовала как устная и рукописная пушкиниана, в труде Анненкова переросла в книжную, научную. Кто же они?

Его семья – жена поэта Н.Н. Пушкина (1812 – 1863), его брат Л.С. Пушкин (1805 – 1852) и сестра О.С. Павлицева (1797 – 1868).

Затем друзья и знакомые Пушкина – П.В. Нащокин (1798 – 1843), А.Ф. Вельтман (1800 – 1870), П.А. Катенин (1792 – 1853), С.П. Шевырёв (1806 – 1864), В.И. Даль (1801 – 1872), А.П. Керн (1800 – 1879).

Ответы на вопросы Анненкова дали лицеисты – С.Д. Комовский (1798 – 1880), М.Л. Яковлев (1798 – 1868), М.А. Корф (1800 – 1876).

Колоритные устные рассказы о Пушкине он получил от Я.И. Сабурова (1798 – 1858), К.К. Данзаса (1801 – 1870), А.А. Кононова (1804 – 1878), С.А. Соболевского (1803 – 1870), П.А. Плетнёва (1791 – 1865), Н.И. Вульфа (1815 – 1889), А.О. Смирновой (1809 – 1882), В.А. Соллогуба (1813 – 1882) и других.

Затем следует калейдоскоп отрывочных записей, которые он получил от множества людей или от которых сам Анненков сделал конспективные записи из устных рассказов о поэте.

Очень важно к этому отнести и те разыскания о поэте, которые сделали М.Н. Лонгинов (1823 – 1875), записавший воспоминания о Пушкине Н.М. Лонгинова (? – 1839), встречавшегося с поэтом в Одессе, и П.И. Бартнев, который поначалу товарищески обменивался с Анненковым собранными сведениями.

Как же удалось Анненкову, собрав и изучив такой обширный материал, открыть для русской общественности подлинного Пушкина, а для его знакомых – узнать и сквозь слёзы услышать его живой голос?

То, что предстало взору первого читателя труда Анненкова, было не материалами к биографии европейского типа. Это был памятник великому писателю, в котором для всеобщего обозрения были открыты мемуары и публикации, собственные догадки биографа и опыты текстологических прочтений, приложения в виде родословных таблиц, воспоминаний и справок биографического характера о последних днях поэта, его фольклорные записи и образцы почерка и, наконец, рисунки поэта.

И весь этот материал, всё огромное здание биографии отличалось стройностью и внутренним изяществом, а также вдумчиво ровным тоном рассказа, создающим впечатление мягкого света, проникающего в тихие и тёмные закоулки ушедшей жизни.

Этого можно добиться только при очень тонком понимании законов жанра и того, как видел сам Анненков её ведущую первоидею и цель: в научной биографии поэта показать его творческую деятельность в живом неразрывном единстве с событиями его жизни.

«Цель биографии – уловить мысль Пушкина», – скажет он и станет первым, кто на деле применил известную формулу поэта «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». «Мерилом всего нравственного бытия нашего поэта, – напишет он, – остались его тетради. В них мысли, чувства поэта, воплощённые в художественных творениях».

Среди торжественных памятных дней, которым суждено быть вехами в истории отечественной культуры, есть день 17 февраля 1855 года. Это было чествование петербургскими литераторами рождения первой пушкинской биографии.

«Русские, любившие Пушкина как часть своей родины, как одного из вождей её просвещения, встретили предприятие Анненкова с восхищением и благодарностью», – писал Н.А. Добролюбов.

Свидетель появления в 1855 году сочинений поэта под редакцией Анненкова – Л.Н. Майков уже на склоне дней вспоминал о том «сильном впечатлении», которое произвело в обществе и особенно в литературных кругах это издание.

«Среди однообразия тогдашней литературы какую свежестью пахнуло от этих красиво напечатанных страниц, на которых читатели рядом с давно знакомыми и давно любимыми произведениями поэта встретили новые, ранее неизвестные в печати откровения его музыки и затерянные в старых журналах яркие блёстки его гениального дарования и могучего ума. Какую драгоценностью показались сведения о жизни и творчестве Пуш-

кина, собранные во введении, которое автор скромно назвал «Материалами для биографии». Они предваряли 6 томов сочинений поэта.

Что издание Анненкова не вполне исчерпало литературное наследие, уцелевшее в бумагах Пушкина, об этом стало известно очень скоро, и сам издатель поспешил пополнить по возможности пробелы своего труда. В 1857 году он выпустил седьмой, дополнительный том своего издания собрания сочинений Пушкина.

В конце этого тома издатель приложил указатели стихотворных и прозаических произведений, а также подробный указатель к материалам биографии, помещённым в первом томе издания. Всё это сделано с такой тщательностью и представляет читателям такое удобство, к которому они не были приучены русскими изданиями».

Издание Анненкова вышло в свет тиражом 50000 экземпляров. Оно было повторено в 1873 году и также имело немалый успех и спрос у читателей, как и его книга «Пушкин в Александровскую эпоху», изданная в 1873 году.

Биографию поэта Анненков закончил его строками о «памятнике нерукотворном», и биографический труд его позднее был воплощён в бронзе скульптором А.М. Опекушиным (1838 – 1923).

После смерти Анненкова, когда разыскания и исследования о Пушкине установились и размножились, нетрудно было указать недосмотры и ошибки его в работе, забывали о том, что в подобных случаях очень важно и особенно трудно бывает именно начало. Можно себе представить, какую горечь испытывал Анненков, узнав незадолго до смерти не во всём справедливые, а порой и оскорбительные для него упрёки и нападки. За что? За то, что он не вполне воспользовался богатством материалов, которыми обладал, то есть рукописным наследием поэта. Упрёки были со стороны таких учёных, как П.И. Бартенев, Е.И. Якушкин, П.А. Ефремов, особенно резкими они были со стороны последнего.

Да, упрёки, действительно, не совсем справедливы. Вот одно из объяснений этому. Прохождение труда Анненкова через цензуру длилось два месяца. Обо всём пережитом, когда судьба издания Пушкина буквально висела на волоске вплоть до его появления в печати, Анненков напишет целый рассказ и назовёт его «Любопытная тяжба». На примере его борьбы за Пушкина, талант которого в связи с цензурой он назовёт мужественным, он расскажет о том, как не зная устали и не обращая внимания на поражение, боролась за себя литература в моровую полосу 1848 – 1854 годов, в эпоху литературной полиции, тайных экспертиз и чтения между строк. Эта «тяжба» была закончена победой Анненкова. 7 октября

1854 года Николай I наложил резолюцию на поданную Анненковым «Записку»: «Согласен, но в точности исполните всё, не дозволяя отнюдь неуместных замечаний или прибавок редактора».

«Согласен, но в точности исполнить» – и Анненков не мог выйти за пределы этой резолюции государя. А что исполнить? Что было в плане издания? Оказывается, Н.Н. Ланская, когда посмертное издание было распродано, обратилась к генерал-адъютанту Николая I графу А.Ф. Орлову, испрашивая у него ходатайства перед царём о «высочайшем соизволении на напечатание сочинений покойного А.С. Пушкина в том виде, как они были напечатаны в последнем издании, то есть посмертном. Опека над детьми Пушкина намеревалась только изменить порядок статей и дополнить некоторыми стихами, не бывшими в печати. Разрешение было дано, но с условием, что вновь введённые стихи должны были пройти цензуру на общих основаниях.

Как же мог автор биографии максимально использовать в своём труде рукописное наследие поэта? И тем не менее, по подсчёту пушкиниста Б.В. Томашевского, в текст биографии фрагментами вошло около ста двадцати новых произведений Пушкина. Только в текст биографии, только фрагментами, так было записано в прошении и плане издания. Тексты же произведений поэта, помещённые в последующих томах этого издания, как и было разрешено, взяты из издания 1837 – 41 годов, в котором Анненков исправил лишь самые очевидные промахи. Позднее в книге «Пушкин в Александровскую эпоху» у него появилась возможность внести уточнения, исправления и дополнения в текст биографии и произведений поэта.

Вот так в издании Анненкова был представлен Пушкин своим читателям. Последующие редакторы сочинений Пушкина широко пользовались этим изданием и не опорочивали его. Кто они? Кто брал на себя смелость и ответственность за последующие издания поэта?

Александр Филиппович Смирдин (1795 – 1857) – известный русский книгопродавец и издатель. Главная заслуга Смирдина заключается в удешевлении книг, в достойной оценке литературных произведений, как капитала, и в укреплении прочной связи между литературой и книготорговлей. Его деятельность сыграла значительную роль в истории русского просвещения.

Яков Алексеевич Исаков (1811 – 1881), петербургский книгопродавец, издатель сочинений А.С. Пушкина в 1859, 1870, 1880 годах и книги К.К. Данзаса «Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина». Вместе с Данзасом Исаков осматривал место дуэли Пушкина и

составил план и схему его. Яков Алексеевич был хорошо известен Пушкину.

Николай Васильевич Гербель (1827 – 1883). Учился в Нежинском лицее. Обладая большими средствами, предпринял ряд изданий европейских и русских писателей, в том числе и Пушкина.

Григорий Николаевич Геннади (1826 – 1880). Некоторое время учился на юридическом факультете Петербургского университета. Издавал сам и был редактором сочинений Пушкина, которые издавал книгопродавец Исаков. Неудачное редактирование Геннади сочинений Пушкина вызвало эпиграмму Соболевского, которая установила за Геннади репутацию дилетанта:

О, жертва бедная двух адовых исчадий,
Тебя убил Дантес и издаёт Геннади!

Пётр Александрович Ефремов (1830 – 1908). Это он резко высказался относительно издания Анненкова. Известен как публикатор и комментатор сочинений русских писателей. Библиограф. Член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук. Из писателей XIX века более других занимался творчеством Пушкина: он нашёл и опубликовал ряд затерянных или запрещённых текстов; доказал, что некоторые, приписываемые поэту, ему не принадлежат. Редактировал собрания сочинений Пушкина в 1880, 1881, 1882, 1900, 1903 годах.

Его огромная библиотека, пушкиниана, коллекция рукописей, а также справочно-биографическая литература после его смерти приобретена Пушкинским Домом.

Пётр Осипович Морозов, родился в 1854 г. Историк русской литературы, театровед. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, защитил магистерскую диссертацию. Достиг высших ступеней бюрократии России. Революция застала его статс-секретарём Государственного Совета.

Занимался историей русской литературы. Наиболее видное место занимают его работы по изучению Пушкина, для которого он в издании 1887 года привлёк ранее неизвестные рукописи.

В 1903 – 1906 годах он выпустил полное собрание сочинений и писем Пушкина в восьми томах.

Также принимал участие в подготовке к изданию нескольких томов первого академического издания сочинений.

Кроме комментариев к изданию он опубликовал ряд ценных статей: «Пушкин и Парни», «Граф Нулин» и другие. Морозов впервые нашёл

ключ к прочтению 10-й главы романа «Евгений Онегин» и раскрыл его в статье «Шифрованное стихотворение Пушкина».

Для примера следует привести ещё ряд имён интереснейших людей, которые изучали и приближали творческое наследие поэта к читателю. По времени это совпадало, как правило, с повышением интереса к поэту, а побудительными мотивами были такие, как:

1880 год – год открытия первого пушкинского памятника в Москве;

1887 год – 50 лет со дня смерти поэта и день окончания издания его сочинений только в пользу его детей;

1899 год – 100-летие со дня рождения.

Чередование этих дат отмечалось и в последующих поколениях.

50-летняя годовщина со дня гибели поэта в январе 1887 года стала как бы вторым днём рождения Пушкина для массового читателя. О тридцатом января 1887 года писали как о небывалом празднике поэзии Пушкина. 15000 десятитомников, выпущенных А.С. Сувориным (1834 – 1912), были раскуплены в считанные часы. В этом же году издание повторилось тиражом 30000 экземпляров, а третье – 50000 экземпляров. Таким было желание столичной публики приобрести сочинения Пушкина.

То же самое было в Петербурге в магазине Луковникова. Там предлагали своим клиентам полное собрание сочинений поэта в одном томе и восьми томах, которые стоили дёшево. Издания были повторены ещё два раза, но уже как десятитомники.

Появление этих книг связано с именем прогрессивного петербургского книгоиздателя Флорентия Фёдоровича Павленкова (1839 - 1900). Если для Суворина выпуск дешёвых изданий сочинений Пушкина был эпизодом, возможностью угодить тяге русской публики к отечественной классике и погреть руки на выгодном предприятии, то для Павленкова это была задуманная и проведённая в жизнь пушкиниана для народа. Он первый в России сознательно взялся за осуществление социальной программы: доступной по цене библиотекой художественной классики вытеснить с книжного рынка ширпотреб – псевдонародный стиль, «Ерусланов Лазаревичей» и «милордов глупых». И начал Павленков с Пушкина.

За 12 лет от начала издания до 100-летия Пушкина Павленков выпустил больше миллиона книжной «Иллюстрированной пушкинской библиотеки». Его примеру последовали и другие издатели. Общедоступная пушкиниана внедрилась в народные библиотеки-читальни.

К 100-летию юбилею Пушкина повышенный интерес к личности поэта отмечался и в учёном мире.

Например, Владимир Иванович Саитов (1849 – 1938), историк русской литературы, заведующий русским отделом и библиограф Публичной библиотеки в Петербурге, издал свои труды «Пушкин А.С. Переписка в 3 томах (1906 – 1911). В 1939 году к собранию сочинений Пушкина под его редакцией и с примечаниями был подготовлен к печати первый том.

Вячеслав Евгеньевич Якушкин (1856 – 1912) – русский историк, общественный деятель, сын Евгения Ивановича Якушкина. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1899 году сослан в Ярославль за реферат об общественных взглядах А.С. Пушкина. Составитель обзора и описания рукописного наследия А.С. Пушкина в журнале «Русская старина», 1884 год. Редактор академического собрания его сочинений. Его работа «О Пушкине» вышла в 1899 году.

Леонид Николаевич Майков (1839 – 1900) – этнограф, фольклорист, историк русской литературы, академик, помощник директора Публичной библиотеки в 1882 – 1893 годах.

В 1889 году Российская Академия наук поручила Майкову научное издание сочинений Пушкина. Результат этой работы: «Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки» (1899).

В 1891 году Майков был командирован Академией наук в Московскую губернию для изучения хранящихся у князя Павла Петровича Вяземского, друга Пушкина, Петра Андреевича Вяземского и графа С.Д. Шереметьева рукописного наследия Пушкина, очень важного для издания биографии и сочинений поэта.

В 1904 году вдова Майкова принесла в дар Академии наук богатое собрание рукописей Пушкина. При рукописном отделе библиотеки Академии наук был образован особый Пушкинский отдел имени Л.Н. Майкова, который позже пополнился его библиотекой.

Теперь понятно, почему в трудах учёных-пушкинистов почти всегда есть ссылки на П.И. Бартенева, П.В. Анненкова, Л.Н. Майкова.

Л.Н. Майкову и другому учёному, И.А. Шляпкину посчастливилось завладеть неразобранными частями, собранными П.В. Анненковым, которые остались у него после окончания работы над биографией Пушкина.

Илья Александрович Шляпкин родился в 1858 году. Историк литературы. Учился в С.-Петербургском университете, был профессором этого университета. Преподавал в других вузах столицы.

В 1903 году Шляпкин издал ценный комментарий к бумагам Анненкова «Из неизданных бумаг А.С. Пушкина».

В 1929 году, когда часть бумаг Анненкова уже хранилась в рукописном отделе библиотеки Академии наук, Б.Л. Модзалевский изучил их и издал в своём труде «Пушкин».

Борис Львович Модзалевский (1874 – 1928) – сотрудник Пушкинского Дома с 1919 по 1928 гг. Окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, учился также и на философском факультете. По предложению Л.Н. Майкова был принят на службу письмоводителем канцелярии Конференции Академии наук и был сразу привлечён к организации Пушкинской выставки к 100-летию со дня рождения поэта.

С 1900 года инициатор и создатель Института русской литературы (Пушкинского Дома). Разработал вместе с Вл. А. Рышковым (1865 – 1938) проект Положения о Пушкинском Доме.

Собирательская деятельность: из Ивановского Московской области была доставлена в Пушкинский Дом библиотека поэта. Из Парижа были доставлены в Петербург материалы музея А.Ф. Онегина.

Должность: учёный хранитель Пушкинского Дома.

Область научных интересов: архивоведение, источниковедение, библиография, генеалогия, история русской литературы. Редактор и издатель журнала «Пушкин и его современники».

Автор 900 критических статей и научных работ, среди которых «Пушкин», «Библиотека Пушкина». Составитель картотеки «Пушкин и его окружение» - 164616 ед. хр.

Из работы научного сотрудника Пушкинского Дома Л.К. Хитрово «Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому» стало известно, что в поле зрения Модзалевского входила и наша Тверская губерния.

Николай Дмитриевич Романов – двоюродный племянник Татьяны Петровны Балавенской, последней хозяйки «старого дома» на Ямской улице в Торжке. Он был корреспондентом Модзалевского и его информатором о нахождении картин, портретов, предметов быта и документов пушкинской поры, которые находились у дворян новоторжской округи, но прежде всего – у богатых родственников – Олениных, Балавенских, Львовых, Полторацких, Бакуниных и других.

Многие документы эпохи через посредство Романова и Модзалевского поступили в фонды Пушкинского Дома.

Наука о Пушкине, начиная с 1920 годов, обязана выдающимися своими успехами не только информации о Пушкине, заложенной в «Материалах» Анненкова. Как из корневой системы, потянулись из его книги побеги не только отдельных проблемных исследований, но и целых направлений пушкинистики.

Нужно отдать должное С.А. Венгеру (1855 – 1920). В Петербургском университете, где он преподавал, он вёл пушкинский семинар, слушатели которого стали пушкинистами с мировым именем. Они известны как авторы научных книг о Пушкине и как редакторы научных изданий произведений А.С. Пушкина.

В XX веке, по сравнению с XIX, научные приёмы изучения и издания текстов достигли необычайного развития.

Итак, мы видим, что книжная и научная пушкиниана в XIX веке была делом любителей и почитателей Пушкина.

В XX веке она осуществляется в порядке научной работы, прежде всего, сотрудников Института русской литературы (ИРЛИ), созданного в 1905 году.

В 2005 году Пушкинский Дом отметил свой столетний юбилей. К этой дате вышла в свет книга Н. Баскакова «Пушкинский Дом», в которой изложена история создания этого государственного научного учреждения, а также представлен состав сотрудников с момента основания Пушкинского Дома, перечень их научных изысканий и направление научной деятельности института. Кстати, как в XIX веке, так и в XX, направление их научной деятельности одно и то же: научное издание собрания сочинений А.С. Пушкина и его биографии.

Возникает вопрос: а разве недостаточно того, что в XIX веке издавались полные собрания сочинений поэта? При необходимости их можно переносить из издания в издание. А Павлом Васильевичем Анненковым написана его биография. У первого поэта России был достойный биограф.

Конечно, изданий XIX века недостаточно. В них нет ни одного текста его сочинений, который мог бы считаться верным и точным. Нужно создать такое полное научное собрание его сочинений, которое давало бы возможность для изучения творчества поэта, воспользоваться приложенными к нему рукописями всех вариантов произведений.

Первой попыткой научного издания сочинений Пушкина было академическое издание, начатое в 1899 году. До 1916 года вышло только 6 томов из 12, после чего издание прекратили, а вышедшие в свет тома являлись устаревшими и читателями не воспринимались.

Не изменило положение и издание С.А. Венгерова. Оно выходило с 1907 по 1916 годы. Замысел его был высоким. Он желал воссоздать в нём своеобразную пушкинскую энциклопедию, а в итоге не включил в него даже рукописи вариантов произведений.

В XX веке, по сравнению с XIX, научные приёмы изучения и издания текстов достигли необычайного развития.

Уже были кадры текстологов с научной подготовкой и специальным опытом, так необходимых для создания и установления текста произведений наших классиков.

Очень важно и то, что в XX веке в государственных хранилищах и, прежде всего, в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома) объединено и хранится практически всё рукописное наследие поэта.

Такое издание по постановлению Совета народных комиссаров СССР от 30 декабря 1936 года должно было выйти в свет к печальной дате – 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина, то есть к 1937 году.

И хотя этому академическому изданию сочинений Пушкина были обеспечены все необходимые условия для наилучшего осуществления, выпуск его 16 томов в 21 книге был окончен только в 1952 году.

Почему вышло такое промедление при его издании и каким его увидел свет? Драма этого издания такова. С одной стороны – уникальный коллектив учёных-энтузиастов, цвет русской науки. С другой – выдержать такие высокие требования к 1937 году было невозможно.

Издание замедлилось. Лишь несколько томов к открытию Всесоюзной пушкинской выставки в Москве всё же было выпущено. На высоте было полиграфическое искусство их исполнения, которое стало образцом и для современных, и для будущих изданий.

В то время появились высказывания: «Кого издаём? Пушкина или пушкинистов?». В комментариях увидели причину задержки издания. С тех пор справочный аппарат, так необходимый в научном издании, а также примечания, комментарии жесточайшим образом сокращались или урезались.

В связи с Отечественной войной к 1941 году редакторская работа была закончена. После войны вновь было мало времени: подхлестывал новый юбилей – 150 лет со дня рождения А.С. Пушкина. В 1949 году издание без комментариев вышло в свет в 16 томах (20 книгах). В 1959 году вышел справочный том. Итак, 16 томов в 21 книге составили академическое полное собрание сочинений Пушкина (1937 – 1949).

К 200-летию А.С. Пушкина издательство «Воскресенье» решило вернуть читателю академическое издание собрания сочинений «полного» Пушкина (издания 1937 – 1959 гг.). Именно вернуть: издание пришлось на годы войны и выходило таким малым тиражом, что в полном комплекте оно сохранилось далеко не во всех научных библиотеках, не говоря уже об обычных и тем более домашних (тиражи первого издания – от 700 до 1000 экземпляров).

С гордостью нужно сообщить, что в библиотеке музея А.С. Пушкина в городе Торжке хранятся и первые шесть томов издания, которые успели выйти в свет в 1937 году, и весь комплект – 16 томов в 21 книге, а также факсимильное издание этого собрания сочинений, которое выпустило в свет объединение «Воскресенье».

Прошли годы, издание не утратило своей уникальной ценности, не поблекло и не устарело. Придёт время, и выйдут в свет тома несостоявшегося академического издания сочинений А.С. Пушкина. Как всегда, уже на очередной волне повысится интерес к автору. Нужна будет его биография, достойная этого труда.

Мысль эта давно беспокоит пушкинистов. Они обобщили сильные и слабые стороны биографов поэта: Н.Л. Бродского (1881 – 1951), Г.И. Чулкова (1879 – 1939), Л.П. Гроссмана (1888 – 1965), Б.С. Мейлаха (1909 – 1987), Д.Д. Благого (1893 – 1984) и других – и признали, что в их биографиях не решена проблема исследования творчества А.С. Пушкина, в то время как образцом решения этой проблемы является книга Анненкова.

Долгожданным исключением и подтверждением того, что заветы Анненкова живы, стала небольшая книга Ю.М. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография» (1982). В ней впервые целостную концепцию личности поэта удалось построить «по-анненковски».

Теперь, когда пушкиноведение стало всенародным, массовым тиражом выходят в свет пьесы, сценарии, всевозможные разыскания о нём: исторические, биографические, беллетристические, медицинские и т.д., но...

Среди них главные – это издания биографии и его творческого наследия. Если не будет этих научных изданий, то не на что будет равняться и не с кого будет спрашивать. В народной пушкиниане открыта свобода торжествующему «я так вижу», в ней есть и будут издержки, поспешные открытия, новые суждения и всякие профанации.

Вот тут-то против них резче и строже должна выступать критика, опирающаяся на научные труды о поэте учёных-профессионалов. Это их долг перед массовой аудиторией. Даже современные Пушкину читатели нуждались в литературной помощи. Тем более в ней нуждаются читатели последующих поколений, к ним относимся и мы.

Использованная литература:

1. В.Г. Белинский. Портретная и биографическая галерея словесности, художеств и искусств в России. I. Пушкин и Брюллов. СПб.: В типографии Карла Крайя, 1841.
2. Д.Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли. М.: Тип. Августа Семена, 1836.
3. В. Н. Баскаков Пушкинский Дом / АН СССР, Отделение литературы и языка; отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1988. – 312 с.
4. А.С. Пушкин Полное собрание сочинений в шести томах. К столетию со дня гибели 1837-1937. Под редакцией М.А. Цявловского. М.-Л. Academia - Гослитиздат 1936-1938г. С. 823, 618, 482, 806, 734, 654.
5. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.: «Воскресенье», 1996. – 679 с.
6. Б.Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. М.: «Книга», 1988. - 582 с. (репринт 1910).
7. Б.Л. Модзалевский. Пушкин. М.: «Аграф», 1999. – 349 с.
8. П.В. Анненков. Материалы для биографии Пушкина. М.: «Современник», 1984. – 476 с.
9. П.И. Бартенев. А.С. Пушкин. Материалы к его биографии. М.: «Московские ведомости», 1854. № 71, 117, 119; 1855. № 142, 144, 145.
10. Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л.: «Наука», 1976. – 519 с.
11. Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому / Публ. Л.К. Хитрово // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Б.Л. Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб.: «Наука», 2001. С. 479–532.
13. И. Фоняков. «Пушкин: Издание, какого ещё не было» // Литературная газета. 1985. 24 июля.
14. Н. Скатов. «Драма одного издания»//Вестник РАН. 1995. Т. 65, № 2, С. 153-163. 15. Г. Пряхин. «Возвращение издания» //Литературная газета. 1995. 30 августа.

*Воспоминания о том,
почему я передала архив Покровской церкви
во Всероссийский историко-этнографический музей.
2020 год.*

Об архиве Покровской церкви

*Т.В. Горох.
Фото В. Назаровой*

*Покровская церковь, г. Торжок.
Фото Н.А. Лопатиной*

В 1970-е – 1980-е годы двадцатого столетия и позднее я, как заведующая одним из многочисленных филиалов ТГОМ, наряду с другими коллегами из филиалов и отделов, на ежеквартальных директоратах отчитывалась по всем видам деятельности, в том числе и по фондовой работе.

Сейчас же я вижу, что музей Пушкина в Торжке существует как филиал ТГОМ по просветительской работе, а фондовая работа отошла на задний план.

В те времена, когда работала я, вещи музейного значения поступали в музей по-разному. Находили мы их в результате подворного обхода улиц города, выезжая в сельские поселения или ведя переписку.

Нам нужны были предметы старины по теме нашего музея, а именно:

- жизнь России первой трети XIX века во всех её проявлениях;
- творчество Пушкина и связь его с Тверской землёй;

- путешествия Пушкина;
- дорожный быт России XIX века.

Ряд предметов и документов мы получили от потомков семей, знакомство с которыми у нас состоялось: от М. П. Гортынской, правнучки П.А. и М. С. Олениных, от правнука Кузнецовых (г. Москва), управляющих именем Волнянки, от Клевенской, правнучки Пожарских (г. Москва), Цвылёвых, Троицких (у потомков были вещи из имений Полторацких) и т. д.

Особенно обильными были поступления вещей от посетителей музея, которые прибыли в Торжок с грустной миссией – расставанием с домом предков. Продавая дом, они не могли не думать о судьбе вещей, которые заполняли его и служили нескольким поколениям семьи. В своё время отправленные на чердак (кстати, замечательное, естественное домашнее «фондохранилище»), они дошли до наших дней в хорошей сохранности.

Я вспоминаю этих посетителей, Это, как правило, были люди интеллигентные, высокообразованные, некоторые из них стали нашими друзьями и единомышленниками.

Один из таких посетителей пригласил нас прийти в дом его предков. Он, потомок Штанковских, предоставил нам для осмотра добротный сарай во дворе. В нём аккуратно, разумно были развешаны инструменты, с помощью которых изготавливались шорные изделия, колёса и экипажи. А это – дорожный быт России. Всё это содержимое сарая и двора с остатками изделий было вывезено в фонд ТГОМ в Тверь, как, впрочем, и многочисленные предметы быта с чердака дома.

Всю эту коллекцию предметов музейного значения подготовила и представила на фондовую закупочную комиссию в Твери научный сотрудник нашего музея Татьяна Евгеньевна Рыжикова. Наши вещи были настолько хороши, что из фондов музея ТГОМ сразу попали в новые экспозиции других филиалов Тверского объединённого музея, в том числе и наш музей.

И тут я задумалась вот над чем. Город, в котором я живу и работаю, обеднел от многочисленных сборов ценных предметов старины частными лицами и сотрудниками столичных музеев. И от нас вещи уходят в Тверь и обогащают областной музей и его филиалы.

В этих раздумьях была уже тогда, когда в наш музей стала приходить Вера Ананьевна Ручьёва, потомок торжокского священника Иоанна Страхова. Знакомство с ней оказалось интересным. Мы узнали, например, что одна из дочерей Страхова была знакома с художником Константином

Юоном. «Наша» М. П. Гортынская, в свою очередь, тоже вспоминала об этом человеке.

Уезжая из Торжка, Вера Ананьевна принесла нам в дар хранившийся в доме Страховых архив Покровской церкви. Выбор нового места хранения для него она объяснила так. Краеведческий музей, как она посчитала, был в «жалком состоянии», он был народным, занимал всего две комнаты в Доме культуры, а Всероссийский историко-этнографический музей (ВИЭМ) только зарождался. Она считала, что наш музей – государственный, имеет фондохранилище, где и найдёт место архив церкви. Она не знала тогда, что музей Пушкина в Торжке как филиал ТГОМ не имел своего фондохранилища, что мы хранили только экспозиционный материал.

Я приняла этот архив. Не имея свободного времени не только для его изучения, но даже и тщательного ознакомления с ним, я, просматривая документы, обращала внимание только на датировку, т. е. на «своё» время, пушкинское, на первую треть XIX века. Нашла только одно письмо 1834 года из Торжка (или в Торжок?), а в нём счёт на оплату за золочение киота одной из икон храма.

Решила, что архив храма должен остаться в Торжке, что я могу оказать таким образом услугу городу, сохранив его наследие, бесценное, своевременное, духовное. Мне было легко и радостно это сделать В то время ВИЭМ только набирал свои силы, он формировался, создавался с учётом требований ведения всех видов научной и фондовой деятельности. Его сотрудники учились, совершенствовались в столичных музеях, активно участвовали в музейных чтениях и конференциях.

Я была хорошо знакома с сотрудницей ВИЭМ Ниной Аркадьевной Лопатиной. Я обратилась к ней со своим желанием передать дар В. А. Ручьёвой в фонд ВИЭМа. Дар был принят незамедлительно. О судьбе его в ВИЭМ я была наслышана от той же Н. А. Лопатиной. Обо всём, в полной последовательности – от подготовки материалов к представлению на ФЗК до включения его в фонд музея. Огромная работа развернулась вокруг этого дара, а документов было более двух тысяч, каждая единица хранения требовала определённых знаний, исследования, описания с учётом требований фондовой работы. Знаю, что огромную работу по изучению этого архива провела Т. Я. Морозова, хранитель письменных источников ВИЭМ. Я рада, что дар Веры Ананьевны Ручьёвой высоко оценён в фондах ВИЭМ. Позднее я передала в ВИЭМ ещё целый ряд предметов старины г. Торжка, собранных сотрудниками музея Пушкина, а ещё позднее я отдала в фонд ВИЭМ вещи и документы двух поколений своей семьи. Теперь в музее есть и мой личный фонд под № 10.

*Статья была подготовлена
к 200-летию со дня рождения Екатерины Ушаковой –
адресата пушкинской лирики,
«девушки, которая искренне любила поэта».*

«Когда я вижу образ твой»

Среди портретов, украшающих Пушкинскую экспозицию в Торжке, есть портрет Екатерины Николаевны Ушаковой. Он висит на стене среди предметов и документов, раскрывающих тему «Ушаковы – тверские знакомые Пушкина».

*Екатерина Николаевна Ушакова.
Рис. из открытого источника в
Интернете*

Этим вещам отведён небольшой зал, где в интерьере дворянского жилища нашли своё место план города Калязина, картина «Москва, Пресненские пруды», вышивка шёлком «Сельский пейзаж» Варвары Леонидовны Ушаковой – все они первой половины XIX века. На туалетном столике – не менее интересный её миниатюрный портрет неизвестного мастера времени Пушкина. Здесь же «Дон-Жуанский список» имён женщин, которыми поэт был увлечён в разное время. Среди них есть имя Екатерины Ушаковой – «Екатерина – 4». В витрине автографы стихотворений и рисунков Пушкина: «Вы избалованы природой», автопортреты и портреты сестёр Ушаковых.

Портрет Екатерины Ушаковой написан с её подлинного портрета, хранящегося во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге, художницей Н.П. Нератовой в 70-е годы XX столетия специально для экспозиции музея Пушкина в Торжке. Он сразу привлёк к себе внимание посетителей. Молодая девушка в тёмном закрытом платье, с красным шарфом вокруг шеи. На голове красная лента. Локоны золотистых светло-каштановых волос обрамляют её красивое лицо с умными и томными глазами. На этикетке надпись: «Е.Н. Ушакова – московская знакомая А.С. Пушкина. Ей посвящены стихотворения «Когда бывало в старину», «В отдалении от вас» и т.д.

Для посетителей музея этой информации, как правило, недостаточно. Они хотят узнать о доме на Средней Пресне в Москве, где Ушаковы принимали Пушкина, и об отношениях этой семьи с другими представи-

телями ветвистого ушаковского рода, т.е. с кем эта семья в родстве, свойстве, дружбе. Их интересует духовный мир Екатерины Ушаковой: воспитание, характер, интересы, степень чувств к Пушкину.

Фонд информации о пушкинской экспозиции вообще и об Ушаковых, в частности, в нашем музее уникален. Например, о представителях древнего дворянского рода Ушаковых, живших в XVI – XVIII веках, оставивших свой след в русской культуре и истории – писатели, мореплаватели, врачи, учёные, государственные деятели. Среди них – предок интересующего нас семейства Ушаковых, Степан Фёдорович Ушаков (1705 – ?), сенатор, писатель, кавалер. О нём есть статья в «Энциклопедическом словаре» Ф.И. Брокгауза и А.И. Ефрона (СПб., 1902. Т. 69. С. 127).

Об Ушаковых, знакомых Пушкина, среди которых был Н.В. Ушаков (?-1843) и его дочери Екатерина (1809 – 1872) и Елизавета (1810 – 1872), имена которых увековечил Пушкин в своём творчестве, дают сведения книги: Л.А. Черейский. «Пушкин и его окружение» (Л., 1976); «Пушкинская энциклопедия» (М., 1999); Н.П. Волович. «Пушкинские места Москвы и Подмосковья» (М., 1979); Н.П. Волович. «Пушкинская Москва» (М., 1996). Можно и дальше перечислять научные труды, источники информации о семействе Ушаковых, которые имеет наш музей. Вот,

*Елизавета Николаевна Ушакова
Рис. из открытого источника в
Интернете*

например, остановлюсь на «Воспоминаниях о былом и счастливом времени» Елизаветы Николаевны Ушаковой, младшей сестры Екатерины. Она пишет:

«Изложу перечувствованное мною в продолжение 40 лет. В 1821 году я была ребёнок – 11 лет. Мои родители с семейством жили в городе Твери, где отец мой служил при принце Ольденбургском. После кончины бабушки состояние моего отца видимо улучшилось. Старший брат и сестра были в таких летах, что следовало серьёзно заняться их воспитанием. В доме для присмотра детей жила русская барыня госпожа Анучина, а для старшего брата –

эмигрант француз, господин Жуазель...

Отец, решившись приехать в Москву, купил на Пресне дом, в самой отдалённой и глухой части города. Как теперь помню, в 1821 году в сентябре месяце мы приехали в древнюю столицу... Настал 1825 год. Отец

страстный охотник был до музыки, иногда сам играл на скрипке, он возмел желание дать учителя пения сестре: для этого был тогдашний единственный учитель Миссори для преподавания уроков. Тогда в Москве была итальянская труппа, состоявшая по тогдашнему из очень хороших артистов: примадонна Анти, контральто Перуцци, бас Този, буф Замбони и прочие. Мы были абонированы постоянно: хотя были ещё молоды, чтобы вполне понимать красоту произведений Россини, Моцарта, Беллини и прочих, но этими частыми посещениями оперы наш музыкальный вкус развился чрезвычайно. Не учившись петь, я пела все арии... Каждое воскресенье у нас обедали артисты, которые пели и проводили целый день... Учитель Миссори был заменен известным Бравуро: и с ним-то я начала учиться пению... в особенности восхищались моим голосом знаменитый Фишер фон Вальдгейм и профессор Рейц. У них мы собирались каждую неделю петь хором «Реквием» Моцарта... Концерты посещали усердно, не пропуская ни одного, по большей части ездили с отцом, матушка избавлялась по слабости здоровья. Многие концерты у нас были, на которые приглашены были лишь любители музыки.

День оперы я ждала с большим нетерпением. Признаюсь, не одна музыка была привлечением меня туда. Нет, в первом ряду кресел я заметила постоянного посетителя оперы, это был Сергей Дмитриевич Киселёв. Он был мужчина средних лет, не красавец, но физически очень приятен. Я полюбила его страстно...

Наступил 1826 год. Коронация Николая I. Мне минуло 16 лет. Красота моей сестры иногда затмевалась, многие находили, что я лучше. Поклонники разделились на две партии. Гвардейцы лучших фамилий посещали наш дом, иные дерзнули свататься за меня, но отказ всем был по молодости лет...

...По просьбе и убеждениям дяди, Дмитрия Петровича Свечина, который меня очень любил, меня вывезли с сестрой на балы в Благородном собрании, к графине Орловой, в маскарад, в театры (в русском костюме) и в многие другие места...»

Жаль, что на этих словах прерываются воспоминания Елизаветы Ушаковой, т.к. далее в её рассказе должен был выступить Пушкин, который бывал в Москве, посещал их дом.

Знакомство Пушкина с Ушаковыми началось с 1826 года, после возвращения его в Мос-

*Е.Н. Ушакова. Акварель.
Ф. Берже.*

*Рис. из открытого
источника в Интернете*

кву из ссылки. Вызов поэта в самую пору коронационных торжеств был крупным общественным событием того времени. По словам Елизаветы Ушаковой, записанных её сыном, Николаем Сергеевичем Киселёвым, впечатление, произведённое на публику появлением Пушкина в Московском театре после ссылки, может сравниться только с волнением толпы в зале Дворянского собрания, когда вошёл в неё покоритель Кавказа – Алексей Петрович Ермолов, только что оставивший армию. Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре, имя его повторялось в каком-то общем гуле, все лица, все бинокли были обращены на одного человека, стоявшего между рядами кресел и окружённого густою толпою».

Другой современник писал: «Во всех обществах, на всех балах первое внимание устремлялось на нашего гостя... В мазурке и котильоне наши дамы выбирали поэта непрерывно, общее внимание обращалось на него и на гуляниях».

В конце декабря, на святках, на балу в зале Дворянского собрания Пушкин впервые увидел Екатерину Ушакову и сразу увлёкся ею. «Екатерина Ушакова была в полном смысле красавица: блондинка с пепельными волосами, тёмно-голубыми глазами, роста среднего, густые косы нависали до колен, выражение лица очень умное...». Такую запись о ней сделал историк, архивист П.И. Бартенев. Пушкин был принят в доме Ушаковых и стал их частым гостем. Знакомая Ушаковых Елена Степановна Телепнева в июне 1827 года написала в своих записках: «Вчера мы обедали у Ушаковых, а сегодня ожидаем их к себе. Меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая интересуется меня, потому что наш поэт, наш знаменитый Пушкин, намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положил оружие своё у ног её, т.е. сказать просто, влюблён в неё. Это общая молва. Ещё не выдавши их, я слышала, что Пушкин во всё пребывание своё в Москве только и занимался, что Ушаковою: на балах, на гуляниях он говорил только с нею, а когда случалось, что в собрании её нет, то Пушкин сидит целый вечер в углу задумавшись, и ничто не в силах развлечь его! Знакомство с ними удостоверило меня в справедливости сих слухов. В их доме всё напоминает о Пушкине: на столе найдёте его сочинение, между нотами – «Чёрную шаль» и «Цыганскую песню», на фортепьянах – его «Талисман» и «Копеечка»(?), в альбоме – несколько листочков картин, стихов и карикатур».

Е.С. Телепнева права. В альбоме Екатерины Ушаковой уже в начале 1827 года были посвящение поэта ей таких стихотворений, как «Когда бывало в старину» (3 апреля 1827) и «В отдалении от вас» (16 мая 1827). В последнем стихотворении он уверяет Екатерину, что уехав в Петербург, он

будет неразлучен с ней и желает понимания, участия её в его трагической судьбе.

«Вы ж вздохнёте обо мне, если буду я повешен?»

По словам Н.С. Киселёва, Пушкин питал к Екатерине Ушаковой нежное чувство: но, уехав в Петербург в исходе 1827 года, он увлёкся там другою красавицей – Анной Алексеевной Олениной. Есть известие, что он даже сватался за неё, но получил отказ. Затем, когда Пушкин возвратился в Москву (март 1829 года), то при первом посещении Пресненского дома, он узнал плоды своего непостоянства: Екатерина Николаевна помолвлена с князем Долгоруковым.

«С чем же я остался?» – вскрикивает Пушкин. – «С оленьими рогами», – отвечает ему невеста.

Но на этом знакомство Пушкина с Ушаковыми не закончилось, он уговорил отца Екатерины расторгнуть помолвку его дочери и остался по-прежнему другом ушаковского дома.

«Пушкин, – вспоминает племянник Екатерины Ушаковой Н.С. Киселёв, – ездил к Ушаковым часто, иногда во время дня заезжал раза три... Часто приезжал он верхом, и если случалось ему быть на белой лошади, то всегда вспоминал слова какой-то известной петербургской предсказательницы, что он умрёт или от белой лошади, или от белокурого человека – из-за жены»...

В 1829 году поэт подарил Екатерине Николаевне поэму «Полтава», вышедшую в свет в марте 1829 года. На книге надпись: «Екатерине Николаевне Ушаковой от А. Пушкина. 1829 г.»

В альбоме Елизаветы Ушаковой есть рисунок красивой молодой барышни в нарядном платье. Под ним подпись: «Трудясь над образом прелестной Ушаковой»... и проч., и проч.. 1 апреля 1829 г.». Н.С. Киселёв объясняет, что тут изображена его тётка Екатерина Николаевна и что подпись составляет начало стихотворения Пушкина к ней, известного ей, но которое не сохранилось.

В мае 1829 года Пушкин уехал на Кавказ, а спустя 4 месяца он возвратился в Москву с большим багажом всевозможных наблюдений и впечатлений. В Москву он прибыл 20 сентября, а на следующий день уже был у Ушаковых и подарил Екатерине книгу «Стихотворений», ч. 1 с датой: «21 сентября, 1829 г. Москва, от А. Пушкина». Вверху на обложке книги – насмешливая фраза, сказанная Ушаковой: «Всякое даяние благо». Внизу, рукою Пушкина – продолжение евангельского текста, избранного Екатериной: «Всяк дар совершён свыше есть». В конце книги содержится другой автограф Пушкина; сделанный по-латыни, характеризующий

живость характера, мальчишескую шаловливость Ушаковой: «Nec femina, nec puer» (ни женщина, ни мальчик).

В этот же период Пушкин подарил Екатерине Николаевне золотой браслет с зелёным камнем, с вырезанной на нём надписью, который он носил между плечом и локтем. Он был подарен в знак дружбы, но, возможно, являлся символом будущего брака с ней.

Осенью 1829 года между ними происходило всё большее сближение. В это время между ними установилась переписка, о чём говорит стихотворение «Ответ», вышедшее в свет 4 января 1830 года.

Я вас узнал, о мой оракул,
Не по узорной пестроте
Сих недописанных каракул,
Но по весёлой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрёкам... столь неправым
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! В Москву! В Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылой,
Здесь речи – лёд, сердца – гранит.
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

Из записной книжки П.И. Бартенева:

«Между Е.Н. Ушаковой и Пушкиным завязывается тесная сердечная дружба, и наконец, после продолжительной переписки, Екатерина Ушакова соглашается выйти за него замуж. В это время в Москве жила известная гадалщица, у которой некогда был или бывал даже государь Александр Павлович. Пушкин не раз высказывал желание побывать у неё, но Е.Н. Ушакова постоянно отговаривала его. Однажды Пушкин пришёл к Ушаковым и в разговоре сообщил, что он был у гадалщицы, которая предсказала ему, что он «умрёт от своей жены». Хотя это было сказано как бы в шутку, однако Е.Н. Ушакова взглянула на это предсказание заботливо и объявила Пушкину, что, так как он не послушался её и был у гадалщицы, то он сомневается в силе его любви к ней; а с другой стороны, предвещание, хотя и несбыточное, всё-таки заставило бы её постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человека, которого она безгранично полюбит,

если сделается его женою: поэтому она и решается ему отказать для него же самого. Дело разошлось».

Из архивных находок Георгия Шторма:

«Из автографов пушкинских стихотворений, посвящённых Екатерине Ушаковой, не сохранился ни один. Стихотворения эти получили широкую известность благодаря копиям, списанным Екатериной Николаевной из своих альбомов и сохранившимся на отдельных листах. Один из таких листов хранится во Всероссийской библиотеке в Москве, в фонде Киселёвых, в папке № 21. На обложке папки написано: «Стихотворения А.С. Пушкина. Список Ек. Н. Наумовой (р. Ушаковой) с её примечаниями о времени написания стихотворений. Жёлтый листок исписан с обеих сторон. На лицевой стороне размашистым почерком, рукой Екатерины Ушаковой, тонким пером переписано известное стихотворение поэта:

Когда, бывало, в старину
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изречение:

«Аминь, аминь, рассыпья!». В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений;
Бог ведаёт, куда девались они.

Но ты, мой злой иль добрый гений,
Когда я вижу пред собой
Твой профиль, и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые, –
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою,
И сердцу, полному мечтою,
«Аминь, аминь, рассыпья!» – говорю.

На оборотной стороне листа окончание этого стихотворения и под ним – приписка: «Стихи, писанные Сашей Пушкиным во дни оны, в 1827 году, когда Пресненское поле ещё забор не ограждал. К. Ушакова». Ниже той же рукой переписано стихотворение под названием «Экспромт в мазурке».

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;

Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен, –
Вы ж вздохнёте ль обо мне,
Если буду я повешен?

Ещё ниже, на этой же стороне листа, рукою Елизаветы Николаевны Ушаковой переписано восьмистишие, не вошедшее ни в одно из собраний сочинений Пушкина. Экспромт соединяет в себе лёгкость маскарадной шутки и неподдельную искренность чувства. Автор экспромта в костюме араба-астролога признаётся избраннице своего сердца в любви:

Под небом Африки рожденный,
В Египте жизнь я полюбил,
Но здесь тобою восхищенный,
О родине своей забыл.
Я все сокровища земные,
Познанья чудные мои
Отдал за очи голубые,
За кудри русые твои.

Слова «Африки рожденный» подчёркнуты теми же чернилами. Под стихотворением – пояснительная надпись, сделанная рукой Екатерины Ушаковой: «Стихи, поднесенные в маскараде Неизвестным астрологом» (Последние два слова крупно выписаны прописными буквами).

В «Ушаковском фонде», хранящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства, имеется пачка писем Екатерины Ушаковой к брату Ивану. Они содержат строки, позволяющие воссоздать её облик и литературный портрет и увидеть, как смело применяет она стихи поэта к собственному душевному состоянию, своему чувству к нему. Совместное письмо Елизаветы и Екатерины Ушаковых к брату датировано необычным образом:

...«1827 года мая 26, памятный для Екатерины день: рождение Пушкина». ... По приезде я нашла в Катерине большую перемену: она ни о чём другом не говорит, как только о Пушкине и о его прославленных сочинениях. Она знает их все наизусть. Прямо совсем одурела; не знаю, откуда эта перемена. В тот момент, когда я вам пишу, она читает вслух «Кавказского пленника», что мешает мне собраться с мыслями для письма...».

Далее рукою Екатерины: ...«Здравствуйте, дорогой брат, как вы поживаете, как проводите время? Что касается меня, я скучаю до смерти. Нет, Jean, нет.

Она исчезла, жизни сладость,
Я знала всё, я знала радость ...

И всё прошло, пропал и след.
Возможно ль? Ты любил другую ...
Найди её, люби её ...

Он уехал в Петербург, может быть, он забудет меня, но нет, нет, будем лелеять надежду, он вернётся, он вернётся безусловно! Держу пари – читая эти строки, ты думаешь, что твоя сестра лишилась рассудка: в этом есть доля правды, но утешься, это ненадолго, всё со временем проходит, а разлука – самое сильное лекарство от причинённого любовью зла. Этим летом мы остаёмся в городе, что меня огорчает: я хотела по крайней мере несколько месяцев подышать чистым воздухом деревни и удалиться от шума городского,

Где я страдала, я любила,
Где сердце я похоронила.

Город почти пустынен. Ужасная тоска. Прощайте, дорогой брат».

В другом письме, написанном в апреле 1830 года, проступают новые интонации: «Карс (так в узком кругу Пушкин называл свою невесту Н.Н. Гончарову) всё так же красива, как и была и очень с нами предупредительна, но глазки её в большом действии, её Алек. А. Ушаков (Александр Андреевич Ушаков – генерал-майор) прозвал Царство небесное, но боюсь, чтобы не ошибся, для меня – это сущее чистилище. Карсы в вожделенном здравии. Алексей Давыдов (Алексей Кузьмич Давыдов – морской офицер: в 1830 году преподавал в морском корпусе) был с нами в собрании и нашёл, что Карс должна быть глупинька, он по крайней мере стоял за её стулом в мазурке более часу и подслушивал её разговор с кавалером, но только и слышал из её прелестных уст: да-с, нет-с. Может быть, она много думает или представляет роль невинности»...

Тут и сдержанная ревность, и яд иронии, и страх за любимого человека, почти граничащий с провидением. В письме от 23 апреля Екатерина Николаевна сообщает брату о предстоящей свадьбе сестры Лизы и говорит о своём желании бежать без оглядки из Москвы: «Без всякого сомнения, Лиза будет счастлива, они друг друга обожают, она себе выбрала достойного человека, свадьба будет в среду, в домово́й церкви Глебовой-Стрешневой...».

...«В Москве новостям и сплетням нет конца... Скажу тебе про нашего самодержавного поэта, что он влюблён (наверное притворяется по привычке) без памяти в Гончарову меньшую, здесь говорят, что он и женится, другие даже, что женат, но он сегодня обедал у нас и, кажется, что не имеет сего благого намерения, но ни за что поручиться нельзя».

За четыре месяца до этого письма Пушкин писал Вяземскому из Петербурга: «Правда ли, что моя Гончарова выходит замуж за архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же?»

Всего лишь 23 марта 1830 года М.П. Погодин сообщал в Рим С.П. Шевыреву о Пушкине: «Говорят, что он женится на Ушаковой старшей».

Действительно, ни за что поручиться нельзя. И, наконец, последнее письмо, датированное в конце апреля 1830 года: «Свадьба наша кончилась, – пишет Екатерина Николаевна о своей сестре, вышедшей замуж за приятеля А.С. Пушкина Сергея Дмитриевича Киселёва, – молодые друг на друга не наглядятся... Скажу про себя, что я глупею, старею и дурею, ещё годика четыре, и я сделаюсь спелое дополнение старым московским невестам.. Ежели я доживу до этого праздника (чего боже упаси), то позволю тебе меня посадить в кибитку и отправить в какой тебе угодно монастырь... Посылаю тебе несколько выписок из разных журналов на Булгарина и Пушкина – прочти со вниманием».

В этом письме – явное смятение чувств. Уже младшая сестра вышла замуж, на её свадьбе Екатерина, возможно, в последний раз видела поэта. Уже известно, что 6 мая произошла помолвка поэта с Н.Н. Гончаровой. В письме отразились страдания, блестящий ум, темперамент и литературная одарённость женщины, очарованной Пушкиным, настолько находившейся под обаянием его гения, что даже почерк её иногда становился похожим на почерк его беловиков.

Уже после смерти поэта Ушакова вышла замуж за вдовца, коллежского советника Д.М. Наумова. По его требованию она уничтожила свои девические альбомы с рисунками и записями Пушкина. Браслет Пушкина, который она носила на левой руке между плечом и локтем, ревнивый муж сломал. Из золота велел сделать лорнет, а камень отдал отцу Екатерины Николаевны. Когда она умирала, то приказала дочери подать шкатулку с письмами Пушкина и сожгла их. Дочь просила не жечь.

«Мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна: пусть она «умрёт с нами», – так объяснила своё желание Екатерина Николаевна.

Утраченные альбомы и письма во многом бы прояснили и уточнили наши сведения об отношениях, бывших между Пушкиным и Ушаковой. Здесь утрата особенно горька, хочется как можно больше знать об этой девушке, не только любившей поэта, но и умевшей ценить его.

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...
А.С. Пушкин. «Осень»*

«Осеннее настроение»

*Таисия Владимировна Горох.
Фото В. Пархоменко*

22 октября 2014 года по инициативе Таисии Владимировны Горох в литературной гостиной Центральной городской библиотеки им. В.Ф. Кашковой был организован вечер поэзии и прозы «Осеннее настроение». Он проходил на фоне книжно-иллюстративной выставки «Унылая пора! Очей очарованье!».

В гостиной царил атмосфера единства и творческого интереса. На вечер собрались поэты города Торжка, пушкинисты, любители поэзии и члены клуба «Собеседник».

Открылся литературный вечер стихотворением А.С. Пушкина «Осень» в исполнении Таисии Владимировны. Это создало поэтическое настроение у присутствующих.

В качестве ведущей вечера была приглашена поэт Людмила Константиновна Пономарёва. Она прочитала лирические миниатюры Михаила Пришвина.

Все произведения известных авторов в этот вечер были посвящены самому красивому времени года – осени. Вольдемар Кондратьевич Мауль продолжил общую тему и познакомил гостей библиотеки с октябрьской серией своих стихотворений. Его поэзия преисполнена любовью к природе и позитивными чувствами.

*Людмила Константиновна Пономарёва.
Фото В. Пархоменко*

Философско-осеннее настроение привнёс в круг слушателей Виктор Васильев, прочитав несколько своих стихотворений, в «есенинскую грусть» всех окунула поэзия Николая Александровича Богомолова, а Татьяна Павловна Большакова прочитала несколько своих стихотворений из сборника «Осень».

*Зинаида Ивановна Васильева.
Фото В. Пархоменко*

Картина осеннего леса предстала перед слушателями после стихотворения Николая Некрасова «Славная осень» в исполнении Ирины Александровны Бочкарёвой.

Зинаида Ивановна Васильева прочла стихотворения поэтов Ивана Бунина «Последний шмель» и Василия Рысенкова «Птицы прощаются». Она отметила, что «осень поразительная пора года, неисчерпаемая для творчества в любых жанрах» и представила гостям стихотворение собственного сочинения «На увяданье парка старого

смотрю...».

Людмила Васильевна Тулинова прочитала стихотворение А.С. Пушкина «Цветок», написанное в 1828 г. Она отметила: «Когда я читала это стихотворение во время экскурсии по Пушкинскому музею, я всегда удивлялась тому, как люди внимательно слушают. Возможно, потому что эти стихи малоизвестны и проникновенны».

Также на литературном вечере выступили сотрудники Центральной городской библиотеки им. В.Ф. Кашковой Надежда Алексеевна Гнеушева и Татьяна Алексеевна Мушкина.

Мелодия прекрасного времени года создала неповторимую атмосферу творчества и хорошего настроения. В исполнении А.С. Андреевой прозвучала песня А. Шевченко «Осень». Затем гости дружно спели песню «Отговорила роща золотая» на стихи С.А. Есенина.

Вечер закончился общением за чашкой чая, взаимными пожеланиями творческих успехов, вдохновения и чудесного настроения.

Воспоминания о краеведах города Торжка

В 1971 году моя семья прибыла в Торжок, и я сразу же была принята на работу в клуб железнодорожников имени Парижской коммуны в качестве заведующей детским сектором. В то время ни о каких путеводителях и речи не было, может быть, и были, но в виде рекламных листов. Но в городе буквально царила высокая духовная, призывная атмосфера. Постоянно можно было услышать: «Краеведческий музей», «Краеведческие чтения», «Краевед-ветеран», или звучали фамилии неизвестных в то время для меня людей: Александра Александровича Сулова, Николая Александровича Турухана, Татьяны Тихоновны Поповой, супругов Варвары Павловны и Андрея Афанасьевича Афанасьевых, Фаины Наумовны Новак, Галины Алексеевны Климовской, Татьяны Николаевны Устиненко, Фридриха Германовича Бауэрмайстера, Льва Васильевича Андреева, Валентины Фёдоровны Кашковой и других.

Многих из них я так и не увидела, они вскоре ушли из жизни, с другими сложились творческие отношения, но краеведческие изыскания и тех, и других мне запомнились, вошли в мою память как в копилку материалов к истории города.

Позднее, когда я возглавила музей Пушкина, из коллекций краеведов-ветеранов в фонд информации музея были приняты следующие материалы: карта-схема участка «государевой дороги» от Торжка до села Боровое (от Турухана), заметка из газеты об установлении в Торжке первого памятника Пушкину (копия памятника скульптора Опекушина) – от Ф. Н. Новак, школьное сочинение Вани Сурикова о художнике Воробьёве в Торжке, книга А. А. Сулова «Торжок и его окрестности», вырезки из газеты со статьёй «Торжокские золотошвей» (от Г. А. Климовской) и другие. Всё это, казалось бы, мелочи, подробности, частности, но они важны, так как заполняют собой неизвестные ячейки в истории города.

Начиная с 1960-х – 1970-х годов и до последних дней своей жизни Галина Алексеевна Климовская, Валентина Фёдоровна Кашкова, Лев Васильевич Андреев радовали жителей Торжка выходом почти в каждом номере газеты их работ: исследований по истории золотного шитья, пушкиноведению, градостроительству. В итоге своей жизни В. Ф. Кашкова и Л. В. Андреев написали книги об истории своих семей. Всё это – обширный материал, воссоздающий целые страницы истории города Торжка.

О поездке в усадьбу Машук

Запомнилась поездка в деревню Тимошкино в конце 1980-х годов, которую организовала зав. народным краеведческим музеем Нина Аркадьевна Лопатина. Автобус для этой поездки был выделен руководством Дома культуры, так как музей тогда входил в структуру Дома культуры. Рядом с д. Тимошкино находилась когда-то усадьба Олениных Машук. Мы увидели место, на котором стоял усадебный дом, остатки фонтана, луг, буквально усыпанный цветущими маргаритками.

В усадебном парке мы увидели каменный мостик, как остаток парковой архитектуры. Подошли к оврагу, заросшему высокими деревьями. Из парка тропинка вела ко дну оврага, всё, как в романе И. Гончарова «Обрыв».

Возвращаясь в Торжок, мы посетили место бывшей усадьбы Константиново.

Усадьба Машук. Фото из архива Н.А. Шлиппенбаха

*Моя давняя подруга, единомышленница,
Валентина Александровна Мельникова,
искренне влюбившаяся
в творческое наследие А.С. Пушкина,
посетив музей поэта в Торжке.*

**Из письма Валентины Александровны Мельниковой
Таисии Владимировне Горох от 28.06.2019 г.**

(В.А. Мельникова работала референтом-переводчиком Главного ракетно-артиллерийского управления Министерства обороны СССР)

*В.А. Мельниковой – 90 лет.
30 октября 2018 г.
Фото с сайта Реутовского
управления соц. защиты
населения Московской обл.
<https://reutov.msr.mosreg.ru>*

А теперь, дорогая моя, о Вас, точнее, о Вашем самобичевании («Я – нуль» и т.п.). А Вам не приходило в голову, что и мы всё это время что-то от Вас получали, и немало? И что нашими познаниями в пушкинистике, за которые Вы нас так превозносите, мы больше всего обязаны Вам же? Ведь именно Вы были нашим двигателем, Вы нас расшевелили, и без Вас мы так бы и остались полужайками, ничем не лучше всей массы «пушкинистов», которых обуяла вдруг любовь к Пушкину только потому, что это стало вдруг модным! Вот Вы сетуете на недостаточность своей подготовки, но она была, пусть и недостаточная, но всё же профессиональная, систематизированная, а наши знания были отрывочными, случайными,

разрозненными, и только благодаря Вам мы смогли привести их в какую-то систему – как раз потому, что бегали для Вас по музеям и библиотекам, выискивая нужное Вам, и в то же время очень нужное для нас. А с каким удовольствием мы это для Вас делали! Для нас это была настоящая творческая работа, захватившая нас, оживившая наше, честно говоря, очень скучное существование (полюбить работу технического переводчика невозможно!). И в этой работе для Вас мы выросли в собственных глазах, а не только в Ваших. Это были чудесные годы, спасибо Вам за них! Так что Вы дали нам очень много. Пожалуй, меньше всех получил от Вас [Александр Александрович] Смирнов, и то лишь потому, что серьёзное увлечение – 1812 год – у него уже было, и Пушкин, в общем, был для него

лишним. Но и он помогал Вам с искренним удовольствием. Вообще он человек очень отзывчивый и помогает всегда охотно, а наш общий энтузиазм захватил и его. Но мне кажется, что всё это я Вам уже говорила или писала. Ведь почему мы после первого же посещения Вашего музея остались с Вами? Потому что очаровались им. А ведь это очарование создано Вашими трудами, Вашими руками, на всём здесь отпечаток Вашей личности. Вот что мы там почувствовали, ещё не зная Вас.

От издателя

«Страстная преданность музею Пушкина, неустанный поиск, стремление поддерживать музей на высоком уровне, приветливость к посетителям, требовательность в сочетании с чуткостью к членам небольшого коллектива питают его энтузиазм, а Вам лично принесли заслуженный авторитет в городе и у музейщиков области». Из телеграммы И. М. Бружес-тавицкого – генерального директора Тверского государственного объединенного музея».

(Цитата из книги Т.В.Горох «Записки заведующей музеем А.С. Пушкина в г. Торжке»)

Эта цитата в полной мере характеризует Таисию Владимировну как человека, преданного своему делу, своему призванию, других слов и искать не надо.

В настоящее время Таисия Владимировна Горох находится на заслуженном отдыхе. Она активный читатель Центральной межпоселенческой библиотеки. Читает историческую публицистику, литературу о жизни и

*Таисия Владимировна Горох ухаживает за цветами во дворе своего дома.
Фото С.Е. Васильевой*

деятельности русских писателей и поэтов. Она интересный собеседник.

Таисия Владимировна всегда любила работать в свободное время на земле. Сейчас, в своем почтенном возрасте, продолжает трудиться. Это мы можем увидеть, придя во двор дома, где живёт Таисия Владимировна. Двор украшают красивые ухоженные клумбы. Эту красоту она создала своими руками.

Соседи любят и уважают Таисию Владимировну, восхищаются её неуёмной энергией.

Недаром по итогам конкурса на звание «Самая благоустроенная территория города Торжка» в 2020 году в номинации «Самый благоустроенный двор многоквартирного дома» победителем стал двор её дома.

В этом есть огромная заслуга Таисии Владимировны Горох.

Таисия Владимировна Горох с соседями. Дружно радуются победе в конкурсе «Самая благоустроенная территория города Торжка». Фото А.В. Горох

Приложение

*Таисия Владимировна Горох
в центральной библиотеке г. Торжка*

*Пушкинский праздник,
Таисия Владимировна Горох
и Василий Николаевич Рысенков*

*Таисия Владимировна Горох с
дочерью Геленой. С. Раикино,
2018. Фото А.С. Русакова*

*Таисия Владимировна Горох с
жительницей ул. Дзержинского. Торжок.
2009*

*Таисия Владимировна Горох с дочерью Геленой в парке с. Берново. 2018.
Фото А.С. Русакова*

*Мария Александровна Федоренко,
директор Торжокской ЦБС,
и Таисия Владимировна Горох работают над
сборником
«От вас беру воспоминанье, а сердце оставляю
вам ...»
Фото С.Е. Васильевой*

*Светлана Евгеньевна Васильева,
главный библиограф
Торжокской ЦБС.
Фото М.А. Федоренко*

*Таисия Владимировна Горох.
Фото А.В. Горох*

*Таисия Владимировна Горох.
Фото А.В. Горох*